

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

в мѣ "Уніонъ"
состоится

КОНЦЕРТЪ

Маріи Ивановны Долиной

Анонсъ.

состоится только

однѣ

КОНЦЕРТЪ

въ залѣ новой биржи

въ улицѣ, номерѣ 6

ГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 2 (116)

июнь 2021 г.

СОДЕРЖАНИЕ

К 80-летию
начала
войны

Театр в фото-
объективе

Вадим
Мороховский
– о развитии
города

«Творческие
семьи
Одессы»

Легендарный
капитан
Назаренко
вспоминает

Пляжи
моего
детства.
С. Осташко

стр. 6-7, 11

стр. 8-9

стр. 10

стр. 12-13

стр. 14

стр. 15

Нередко среди одесситов можно услышать досадливое: где вы, попечители, меценаты, благотворители, коими Одесса прежде была славна и чьими заботами, усилиями и щедрыми воздаяниями строились в городе больницы, приюты, богадельни, открывались читальные залы и библиотеки, создавались музеи? Нет их... Но, оказывается, есть такие неравнодушные граждане в Одессе и в наше непростое, очень прагматичное время, которым не чуждо стремление безвозмездно помогать и делать вложения ради единственной цели – процветания нашего города.

Вадим Мороховский. Сын капитана легендарной одесской команды знатоков «Что? Где? Когда?» Виктора Мороховского. Основатель Музея современного искусства и Института развития Одессы. Меценат и благотворитель.

Председатель правления банка «Восток». И сегодня Вадим Мороховский приступил к созданию Дома художников, о котором уже много говорят и пишут.

В канун юбилея Вадим Викторович согласился дать интервью нашей газете и поговорить – о времени, о жизни, о себе.

Продолжение темы – в материале на стр. 10

ОДЕССКИЕ НОВОСТИ

Не устают радовать системная, научная и просветительская работа отдела искусств Одесской научной библиотеки. Десятки лет по крупицам собирала Ольга Барковская сведения о Товариществе южно-русских художников, биографии мастеров, отзывы на их выставки, и, перелопатив десятки тысяч статей из газет, журналов, каталогов, создала библиографический указатель. Он был издан, а Барковская приступила к следующему, казалось, еще более неподъемному труду – к библиографическому указателю Общества независимых художников.

ТЮРХ возник до революции, жил и развивался до кровавых перипетий Гражданской. И газеты выходили регулярно, и каталоги печатались... Общество независимых художников, авангардисты, оформились как организация лишь в 1917 году, существовали в самых неблагоприятных для сохранения документальных данных условиях. И все равно – сквозь невозможное – Барковская нашла, собрала библиографический справочник об этом Обществе, влияющем до сих пор на современную культуру.

Казалось бы всё сделано. Но, когда исследователь начинает искать, он выходит на семьи художников, на их потомков, появляются новые и новые документы, фотографии, сведения. И оказывается, что вроде бы завершенные книги буквально требуют продолжения. А кто будет издавать? Как легко опустить руки, ссылаясь на хаос. Никогда не будет издана та книга, что не написана.

А два монументальных труда Ольги Барковской, без которых сегодня не может обойтись ни один музей, ни один разумный коллекционер, были написаны и переписаны с большими дополнениями.

И вот тут важна роль организатора процесса. В один, действительно, прекрасный день к

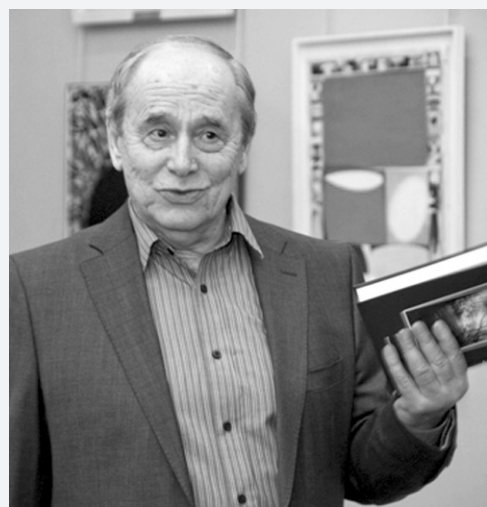

завотделом искусств Татьяне Щуровой, к библиографу Ольге Барковской подошла молодой и креативный директор библиотеки Ирина Бирюкова и сказала – «готовьтесь, будем оба справочника переиздавать».

Оказалось, правда, что за истекшее время (куда оно истекло?) Ольга Михайловна Барковская подготовила и третий том – книгу воспоминаний бывших учащихся нашей Грековки, точнее – Одесской художественной школы – за 150 лет. И в этой книге есть тексты ни разу не печатавшиеся, найденные в семейных архивах, и недоступны были для широкого читателя. Многие воспоминания познавательны, интересны, но я бы рекомендовал обязательно прочитать воспоминания художника Валентина Полякова, и живописца превосходного, и рассказчика чудесного.

Три книги. Три книги. Три книги. А ведь это прочный фундамент для культуры. Я от души поздравляю Ольгу Барковскую, Татьяну Щурову, Ирину Бирюкову, всех коллекционеров, музейщиков, да просто любознательных читателей.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

За неделю до своего 78-летия умер Александр Дорошенко – известный одесский писатель, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой технической термодинамики ОГАХ, академик МАХ, лауреат премии «Твои имена, Одесса». Его последняя книга – «Отпусти мой народ».

Было это в далеком 2007 году. Работая в ВКО, я занимался связями с одесской диаспорой мира. Мне часто присылали материалы о нашем удивительном городе, опубликованные в разных изданиях. И вот однажды я получил от своего приятеля из Нью-Йорка отрывок текста об Одессе. Публикация мне очень понравилась, а для уверенности в своем впечатлении я показал ее своей жене Наташе, которая всегда очень критично относилась к литературе (в том числе, и об Одессе). Она согласилась с моим мнением, после чего я начал наводить справки об авторе, и узнал, что он живет в Одессе и многие годы пишет о ней «в стол». Я пригласил автора в Клуб, помог опубликовать несколько небольших текстов в русскоязычной прессе Америки и уговорил его издаваться в Одессе. И вот, в 2008 году в издательстве «Оптимум» вышла книга Александра Дорошенко «Мой Город», которая в те годы еще много раз переиздавалась. Новая, и к моему неумному горю, последняя книга Саши – «Отпусти мой народ» вышла совсем недавно, за несколь-

ко дней до ухода моего приятеля из земной жизни. Сегодня я простился с ним...

А вернувшись домой вновь встретился с ним в его первой книге на странице, в которой он вспомнил и обо мне (не сказав мне об этом до выхода книги). Делюсь с Вами отрывком из его книги «Мой Город»:

«Мукачевский переулочек, напротив Рыбной, шел вдоль участка купца I гильдии Виллиана Вагнера. Живет там мой приятель Леонид, невысокий и круглый как шарик человек (такие головы были у древних шумеров и даже так они улыбаются, как Леня, что и не удивительно, потому что Ленины предки происхождения из древнего города Ура, откуда на заре времен ушел Фара, взяв с собой сына своего Аврама), с такой же круглой головой, уютный, как и вся его небольшая квартирка на первом этаже двухэтажного домика (вход со двора). Висят на ее стенах полотна и гравюры одесских художников, и не хватает им места, по этой причине висят они в спальне и на кухне, на стенках холодильни-

ка, в малюсенькой прихожей и теперь уже остался только потолок. Придя, я первым делом хожу и смотрю, и каждый раз там висит что-нибудь новое. Лежат каталоги неизвестных мне только что отшумевших выставок наших ребят, от Парижа до Сан-Франциско, а в компьютере свежие впечатления от этих выставок, от художников, от одесского всемирного сайта, который держится на Лениных надежных плечах. Из всех мыслимых точек мира, где теперь живут дети Города, в единственном, в чем он, Город, и может жить, в людях, в искусстве, в горячих обсуждениях. Это как штаб-квартира, где сходятся голоса ото всех сторон населенного нами мира, где рождаются планы и проекты... Леонид усаживает меня в кресло и приволакивает ворох свежих альбомов, проспектов, книг. Рассказывает о художнике Ефиме Ладыженском, жившем последние свои годы в Израиле, тосковавшем смертельно и написавшем улицы и людей Города, по памяти, и так удивительно верно, как неведомо нам, здесь сегодня живущим. Тянет к компьютеру прочесть свежие письма и удивиться, как много нас в мире, как рядом мы оказываемся в этой маленькой комнате с теми, кто час назад отправил эти письма из Чикаго и Берлина и из Парижа. Потом мы втискиваемся в его кухню, пьем кофе с коньяком, и Леня рассказывает мне и меня убеждает и спрашивает моего мнения и тормозит меня, что надо сделать на сайт материал, и что получится у меня это замечательно, закончить статью, завершить наконец-то мою талантливую книгу. И, если эта книга увидит свет, то это его, Леонида Рукмана, будет заслуга».

Леонид РУКМАН

Здравствуйте. Меня зовут Алексей. С 1981 по 1986 гг я был членом экипажа яхты «Лейтенант Шмидт». У меня есть фотографии яхты и, возможно, интересные сведения о ней и людях, с яхтой связанных. Мне думается, что история эта интересная и очень «одесская». Если тема достойна вашего прекрасного объединения и замечательной клубной периодики, готов делиться.

С уважением, Алексей.

Уважаемая администрация Всемирного Клуба Одесситов!

Моя подруга в Нью-Йорке Аня, одесситка, 80 лет, интернетом не пользуется, поэтому попросила меня (сама я Людмила Шевченко проживаю в Канаде, г. Монреаль) помочь с возможностью получения через Всемирный клуб одесситов в Одессе книги одесского писателя Александра Дорошенко «Мой город».

Уважаемый Леонид! Моя подруга уехала давно, но душой осталась в Одессе навсегда, и книги Александра Дорошенко украсят ее жизнь. Она, как и все мы, большая поклонница творчества писателя, и Ваша помощь в данной ситуации просто неоценима. Возможно, Вам будет интересно узнать, что отец моей подруги, Александр Ройтман, является двоюродным братом Эдуарда Багрицкого (по линии матери), и Аня, таким образом, двоюродная племянница поэта. Правда, между Э. Багрицким и А.Ройтманом значительная разница в возрасте. Когда Багрицкий уехал в Москву, Александру было примерно 12 лет. Интересно, что в одном из писем Багрицкого, адресованных матери в Одессу, упоминается Александра Ройтмана.

Подруга гордится таким родством и собирает все, что может найти о своем дяде. Она НАСТОЯЩАЯ одесситка, поэтому все книги любимого автора, Александра Дорошенко будут ей читаться, перечитываться и пополнят домашнюю библиотеку «Одесситки», которая впоследствии перейдет к ее сыну.

Немного, как Вы просили, о себе. Да, я одесситка, но так сложилась жизнь, что давно живу за границей. Это все моя профессия. Я переводчик (испанский язык), окончила ОГУ и всю жизнь работала по специальности. Жила и работала на Кубе, в Испании (на Канарских островах), затем почти 20 лет работала в Аргентине, а вот уже пять лет в Канаде. Но главная часть моей жизни прошла в нашем городе – детство, юность и учеба, рождение сына, работа в Генконсульстве Кубы в течение 10 лет... Многие дорогие сердцу друзья остались в Одессе, кто-то эмигрировал, как моя подруга, и теперь, благодаря интернету, у нас есть возможность продолжать общаться, вспоминать нашу Одессу. По Одессе очень скучаю. Это наш любимый и родной город, наш дом, где бы мы ни жили... Прошло столько лет, а я всегда думаю и говорю: «...дома, в Одессе...». Ведь там осталось все самое дорогое сердцу и все лучшее, что было в нашей жизни – наша юность, наша первая любовь, начало наших дорог... Поэтому таким бальзамом на душу являются рассказы об Одессе писателя Александра Дорошенко. Особенно для нас, одесситов, живущих далеко. И вот такое несчастье! Трудно поверить в то, что мы и наша Одесса потеряли писателя, с такой любовью писавшего о нашем городе. Я верю, что придет время, когда именем Александра Дорошенко в Одессе будет названа улица, когда книги его будут издаваться огромными тиражами, а имя его встанет рядом с именами Бабеля, Олеши, Катаева...

Надеюсь летом приехать домой, в Одессу, где у меня остались близкие родственники, наша квартира и моя библиотека, по которой я скучаю не меньше, чем за любимой Одессой... Там и только там мой дом. Спасибо Вам огромное, Леонид, за все, что Вы делаете для нас, одесситов, живущих далеко от родного города!

С уважением, Людмила Шевченко.

Талантливая и креативная Леся Верба

За что бы ни бралась эта смелая девушка, обречено на успех. Она превращает обыденный мир в яркое событие, неповторимое действие, удивительный эксперимент. Художница, бандуристка, исполнительница народных песен, джазовая певица, исследовательница и литератор, она не устает удивлять и восхищать. Напомню хотя бы об уникальном сборнике «Истории НеОдесских песен».

А в апреле на стене дома Базарной улицы, 33 появился огромный портрет литератора, журналиста, переводчика,

уроженца Одессы Владимира (Зеева) Жаботинского.

С этого мурала работы Леси Вербы началась реализация всеукраинского проекта Art Speaks History, который осуществляется при поддержке Посольства Израиля в Украине. На создание рисунка, по словам автора, ушло 19 лет моральной подготовки, 30 литров краски и 3 дня работы по 8 часов.

Проживавший по этому адресу журналист «Одесского листка» впоследствии сформировал Еврейский легион в составе британской армии и был одним из создателей независимого еврейского государства Израиль.

«Для меня это стало глобальным разворотом и личным продолжением выставки «Г'м Grandt», посвященной великим иммигрантам, чья жизнь была связана с Одессой, которая состоялась в прошлом году в Одесском музее западного и восточного искусства».

Евгений Голубовский:
«Не только же шагаловским влюбленным летать над городами».

Вот и взлетел над своей любимой Одессой Владимир (Зеев) Жаботинский.

Сколько десятков лет это имя пытались вычеркнуть из нашей памяти, из истории города. Не получилось. Вначале вернулись его книги, среди них лучший роман об Одессе – «Пятеро». Вернулись стихи и переводы.

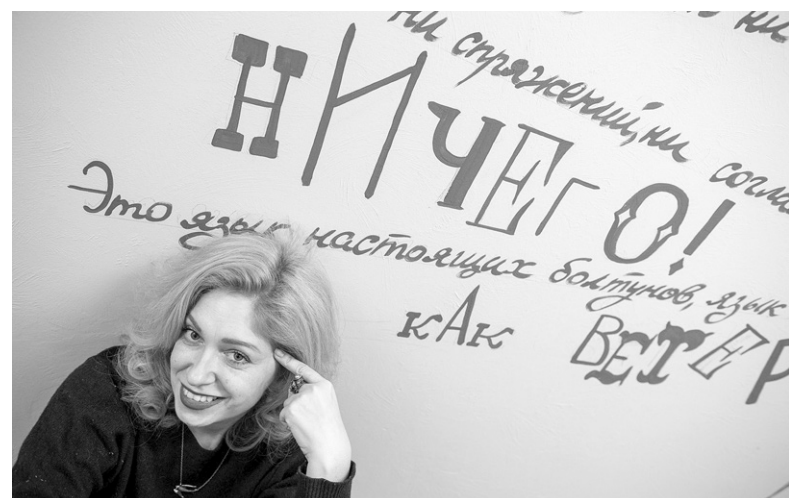
И вот, наконец, мурал Леси Вербы на доме по Базарной 33, на месте, где родился Жаботинский. Небо над Одессой открыто. Еще многие гении ждут полета в наших высях».

Появился мурал художницы и на доме, где жил известный одесский писатель Аркадий Львов (Авчинниковский переулочек, 14), ставшем истоком романа «Двор». К слову, это – и дар родному двору, в котором жила Леся.

Художница надеется, что теперь красоты вокруг станут чуточку больше, и историческая память одесситов улучшится.

Да, жила: представив одесситам свои новые произведения «полет в выси» – через океан, приземлившись в Нью-Йорке, где ее дождался счастливый муж. Семья воссоединилась.

Но это не все, что успела сделать до отъезда наша героиня. В помещении Все-

мирного Клуба Одесситов, в котором за время карантина был проведен хороший ремонт, Леся Верба успела осуществить свой новый арт-замысел. Стены клуба она «заселила» известными одесситами и цитатами классиков. Леонид Утёсов, Валентин Катаев, Илья Ильф и Евгений Петров, Юрий Олеша, Аркадий Львов, Влас Дорошевич получили здесь свою прописку.

И еще одно важное и вполне заслуженное собы-

тие. Решением Президентского совета, писатель, автор «Молдавского отродья» и «Одесской саги» Юлия Верба, художник и музыкант Леся Верба и ее супруг и верный сподвижник Артур Золотаревский стали членами Всемирного клуба одесситов. Теперь уже официально.

А мы уверены, что с талантами Леси Вербы у нее впереди новые концерты, выставки, книги, новые стены и дворы, новые замыслы и проекты.

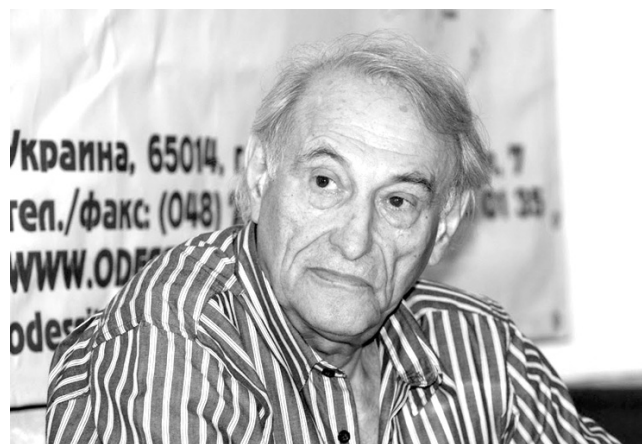
Ефим Ярошевский: окончен «роман-с»

Держу в руках его изданную в 2005 году книжку «Королевское лето», куда входит и его очень одесская большая повесть «Провинциальный роман-с». Эта книга у меня в руках, а Ефима уже нет. Нет ни в Одессе, в которой он прожил детство, юность, зрелость. Нет его и в Германии, где он ушел за вечный для всех горизонт... Есть в «Королевском лете» раздел «вторая проза», вторая, потому что она вторая после романа, и там есть такие пронзительные строки: «Когда осень, дождь и пустеют улицы, нас всех охватывает тоска по общности. И море и снегопад... А в комнате тепло. И дух, который веет, где хочет. Это счастье... Ты меня понял? Мы были как дети. И мне не стыдно об этом говорить, не стыдно в этом признаться...»

Да, именно это детское ощущение свободы и легкости, увлеченности легло в основу прозы Ярошевского. Откликаясь на еще первое издание книжки «Провинциальный роман-с», талантливейший поэт и журналист, известный Одессе, Тина Арсеньева писала: «Ефим Ярошевский, в миру, когда-то, преподаватель русской литературы, во-

площает в себе, пожалуй, вот такие типические признаки шестидесятничества: мальчишечью наивность, романтику (которая иной раз оборачивается инфантильностью), а пуще – неформальность, неофициальность образа жизни, неписанность...» И, глубже, далее – «Книжка Ярошевского – событие. Она, перво-наперво, воистину глубоко поэтическая, тут – душа и нерв, тут – импрессионистическая, южнорусская, словесная живопись, отроческая свежесть и острота восприятия мира – и житейский опыт закоренелого одессита, классического жителя Молдаванки...».

Говорят, большое видится на расстоянии. Это расстояние от книги до смерти автора. И проза, и поэзия Ефима Ярошевского неповторимо одесские, с неожиданными смысловыми поворотами, с «парадоксальной фазой сознания». Это тексты не традиционные и не бабелевские, не роман-карменовские, они совершенно индивидуальные, совершенно ярошевские. Стилистически своеобразные, неповторимые, но все равно одесские.. В Петербурге стоит малый памятник А. Блоку, и он там

чем-то похож на Е.Ярошевского. В Одессе во дворе Литературного музея еще нет памятника Ефиму Яковлевичу. Зато у нас на книжных полках стоят его книги – это лучшие ему памятники, оживающие всякий раз, как мы их открываем и слышим его приглушенный временем, живой голос...

Станислав АЙДИНЯН,
главный редактор журнала «Южное Сияние».

К ЮБИЛЕЮ ПИСАТЕЛЯ, ФРОНТОВИКА, ВОЛЬНОДУМЦА,
УЧАСТНИКА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОДЕССЫ 10 АПРЕЛЯ 1944 ГОДА

Международная исследовательская инициатива в память о Викторе Некрасове

17 июня 2021 года исполнится 110 лет со дня рождения Виктора Некрасова. Дом знаменитого киевлянина был в городе одним из немногих островов вольномыслия. Кроме свободолобивых разговоров там можно было читать или брать для чтения Самиздат и Тамиздат. Собрание крамольных, с точки зрения власти, текстов мы будем для краткости называть библиотекой Самиздата, хотя владелец не именовал ее столь звучно. Формировалась она нецеленаправленно, стихийно, благодаря множеству друзей и знакомых писателя.

Тому способствовали всеобщая известность автора первой правдивой книги о войне, репутация человека независимого, не испытывавшего пьютета ни к власти, ни к литературному официозу. Немалую роль играло обаяние Некрасова. Дружил и прятельствовал Некрасов не только с киевлянами, москвичами, ленинградцами (перечислять можно долго), общения с иностранцами он тоже не опасался.

Счастливые сочетание желаний и возможностей вело к тому, что библиотека Самиздата разрасталась и к началу 1970-х стала если не крупнейшим, то определенно заметным собранием неподцензурных произведений в Киеве. Реконструировать самиздатскую библиотеку Некрасова и сохранить память о ней – вот цель нашей научной инициативы.

В 1974-м весь Самиздат и Тамиздат был у Некрасова конфискован КГБ. Обыск длился два дня 17-18 января. В архиве Службы безопасности Украины сохранился протокол, но там приведен только список изъятого. Такой своеобразный каталог «библиографов в штатском» недостаточен для задуманной нами реконструкции. Самиздатское чтение было неафишируемой практикой. У самиздатчиков не было принято записывать и даже говорить, кому и что отдано или получено. Эта невидимость для недоброжелательных глаз теперь побуждает обращаться не к документальной, а к человеческой памяти.

Так живая память о Самиздате стала в наши дни уникальным историческим источником. Поэтому столь важно успеть собрать воспоминания тех, кто был вхож в открытый дом Некрасова и утолял там жажду свободного слова.

Среди них были родители киевлянина Ефима Гофмана – соавтора исследовательской инициати-

вы. Во второй половине 1960-х они приходили почтительно сам– и тамиздатские новинки в квартиру писателя. Привела их туда родственница, близко дружившая с Некрасовым. Виктор Платонович со своей мамой, Зинаидой Николаевной, был в отъезде – то ли в Москве, то ли в Коктебеле. По три-четыре часа в течение нескольких дней родители угощались разнообразными книгами – от напумевшей политологической работы Милована Джиласа «Новый класс» до знаменитого цветаевского «Лебединого стана». Эта история об импровизированном читальном зале в квартире номер 10 – одна из многих.

Мы, конечно же, отдаём себе отчёт в том, что сможем собрать далеко не все свидетельства читателей и дарителей некрасовской библиотеки Самиздата. Многих за прошедшие с тех времён десятилетия разбросало по всему миру. А иных, к величайшему сожалению, и вовсе нет на свете.

Надеемся, что нас услышат и откликнутся те, кому дорога традиция вольного слова и память о Викторе Платоновиче Некрасове. Приглашение адресовано читателям, дарителям и очевидцам существования этой неординарной библиотеки. Вашим сообщениям мы будем ЧРЕЗВЫЧАЙНО ПРИЗНАТЕЛЬНЫ. Роль воспоминаний в задуманной реконструкции – ключевая. Ценно все, что запомнилось о Самиздате в доме Некрасова, об отдельных произведениях, которые были прочитаны там, получены для чтения или в дар.

Самиздатский оборот текстов двигался желанием поделиться новинкой с друзьями, поэтому превращение читателя в распространителя и даже в издателя совершалось довольно легко. А значит, существует надежда на то, что сохранились перепечатки и фотокопии, источниками для которых служила библиотека Некрасова. Если обладатели отзовутся и отправят нам снимки своих самиздатских сокровищ (вместе с воспоминаниями о них) – это будет замечательно. Добавим просьбу о фотографиях и кинокадрах, снятых в 1960-1970-е, они помогут передать атмосферу того времени. Галерея портретов читателей Самиздата из некрасовской библиотеки станет большой удачей нашего эксперимента.

Все полученные материалы будут использованы максимально бережно. Безусловно гарантированы корректные ссылки на авторство воспоминаний,

фотографий, комментариев. Непременно появятся в наших публикациях слова признательности всем, кто пришлет свидетельства, снимки и любые другие материалы, которые помогут реконструкции.

Связаться с нами можно по адресу: v.nekrassov2021@gmail.com и через Сайт памяти Виктора Некрасова (adm.nekrassov.viktor@gmail.com). Этот сайт (www.nekrassov-viktor.com) стал нашим первым информационным партнером. Мы открыты для взаимодействия с теми людьми и структурами, кому дороги творчество и личность Виктора Некрасова. Объединение усилий будет очень своевременно, чтобы успеть к юбилейному дню – 17 июня. Поддержать нашу инициативу можно личным участием, информационно и/или финансово (через PayPal на адрес barbara.martin74@gmail.com). Собственно, старт нашему исследованию уже дан: архивный поиск идет в Киеве и в Москве, записываются интервью. К традиционным результатам исследования (публикациям, статьям и в перспективе – книге) было бы славно прибавить онлайн-лабораторию. Очевидно, что такому замыслу жизненно необходимы партнеры и спонсоры, зато тогда появится возможность в прямом смысле слова увидеть реконструкцию библиотеки Самиздата (заметим, первую в мире).

Виктор Некрасов принадлежит к тем редким людям, память о которых способна не разобщать, а объединять, несмотря на национальные различия и государственные границы. В этом нам видится хорошая предпосылка к успеху нашей инициативы.

Ефим ГОФМАН,
литературный критик *International PEN club* (Киев)
Геннадий КУЗОВКИН,
историк «Мемориал» Программа
«История инакомыслия в СССР» (Москва)
Барбара МАРТИН,
историк Базельский университет (Базель)

ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Итальянцы в Одессе

Джованни Сперандео. Профессор Императорского Новороссийского университета на рубеже XIX и XX веков, преподаватель итальянского языка, публицист и общественный деятель, известный ученый и автор учебников итальянского языка. Он был основателем и первым президентом Международного итальянского Общества им. Данте Алигьери в Одессе, второго Итальянского комитета в мире после римского и первого – за пределами Италии.

Итальянский язык изучали в Новороссийском университете со дня его основания в 1865 году. С начала XIX века Одесса стала главным центром преподавания итальянского языка и литературы в Российской империи. Тому было много причин, прежде всего, – наличие активных торговых связей порта и одесских предприятий с Италией. В первой половине XIX века в портовых городах Европы итальянский язык служил основным средством общения в международной торговле. В Одессе в то время была одна из самых многочисленных итальянских колоний в мире. А итальянцы играли важную роль в культурной и экономической жизни города.

С приходом Джованни (Ивана Федоровича или Фридриховича) Сперандео начинается важный этап в преподавании итальянского языка в нашем городе.

В Новороссийском университете И. Сперандео приступил к препода-

ванию в 1898/99 учебном году. К этому времени на историко-филологическом факультете были три отделения: классическое, славяно-русское и историческое.

Итальянский язык, как и другие иностранные языки, изучали студенты всех отделений. Много интересной информации о преподавании итальянского языка Джованни Сперандео находим в ежегодных выпусках «Обозрения преподавания в Императорском Новороссийском университете по историко-филологическому факультету» (с 1901 по 1915 гг.).

Так, в 1902/1903 году на младшем курсе студенты изучали: грамматику итальянского языка, морфологию и фонетику, чтение и перевод отрывков литературного содержания, а также комедию «Трактирщик» Гольдони; в 1904/1905 и 1905/1906 годах в программу включены «беседы на итальянском языке по поводу прочитанного для упражнения в разговорной речи». Со второго полугодия 1910/1911 года преподавание даже на начальном этапе стало вестись на итальянском языке.

На старших курсах занятия проводились исключительно на итальянском языке. Сперандео читал произведения Данте и Боккаччо, поэзию Петрарки и Кардуччи, про-

изведения Тассо, Леопарди, Мандзони, комедии Гольдони.

В 1901 году при поддержке консульства Италии в Одессе Дж. Сперандео создает Одесский комитет Данте Алигьери. В состав комитета были приняты университетские преподаватели, владеющие итальянским языком, готовые проводить публичные лекции. «В их числе – профессор Загоровский, Иловайский, Лазурский, Чижов, Прендель, Курдиановский, известный социолог, друг Италии Новиков; также граф Толстой, принятый постоянным членом; из итальянцев – кавалер А. Анатра, адвокат М. Де Антонио, Д. Амьери, Ф. Карнери, Дж. Бонифаци, Марчелло Браво, Мария Браво, Л. Биаджолли, А. Москетти, Е. Пиччинелли, М. Петтинато, Е. Секино, А. Витале. Среди населения города – доктор Н. Калиновский с супругой, инженер С. Рейх, господина О. Шнейдеров, О. Валтух, Г. Курбаджи, Г. Моччан, госпожи Мария Акимович и Елена Слокович». Браво, Одесса!

К слову, в это же время в нашем городе уже всю работу французское и немецкое общества – «Альянс Франсез» и «Общество Дойч». Правда, официальное признание Комитет получил позже – в августе 1905 г. Для этого его президенту Дж. Сперандео пришлось неоднократно

ездить в Петербург на аудиенции к министрам и государственным секретарям, используя личные знакомства и связи, чтобы получить необходимое утверждение.

Профессор Сперандео, автор нескольких известных учебных пособий и словарей по итальянскому языку, издававшихся в одесском издательстве Москетти, составитель Устава Общества «Данте Алигьери», – внес значительный вклад в развитие преподавания итальянского языка в Одессе.

Он оставил блестящую страницу в истории итальянской диаспоры в Одессе в качестве секретаря Итальянского благотворительного общества. Его перу принадлежит очерк «Итальянцы на берегах Черного моря». За свою преподавательскую деятельность и основание комитета Общества Данте Алигьери Сперандео был награжден орденом Святой Анны III степени. В советские времена он был прочно забыт. Имя Сперандео стало возвращаться из небытия лишь, когда в Одесском университете возобновилось преподавание итальянского языка в 2000 году, одновременно с воссозданием Общества им. Данте Алигьери.

Людмила МОРОШАНУ (ДЕМЬЯНОВА),
кандидат филологических наук,
основатель и почетный президент
Одесского комитета Итальянского общества им. Данте Алигьери.

ПАМЯТИ ОЛЕГА ГУБАРЯ

«Как он Одессу хранил...»

Весной Одесса потеряла одного из своих преданных сыновей. Умер Олег Губарь – почетный член Всемирного клуба одесситов, известный писатель, исследователь, краевед. Знарок старой Одессы, автор уникальных книг по ее истории.

Олег Иосифович не просто знал и любил наш город, но и доказывал свою любовь реальными делами. Он оставил более 30 краеведческих и художественных книг, бесценных литературных трудов и публикаций, – результаты его многолетних исследований. Олег Губарь – автор и инициатор интереснейших проектов. Это: мемориальный комплекс 1-го городского кладбища в Преображенском парке, «Старики-деревья», «Одесский некрополь» и др. Это был человек с высокой гражданской позицией. За заслуги перед городом Олегу Иосифовичу было присвоено звание «Почетный гражданин Одессы».

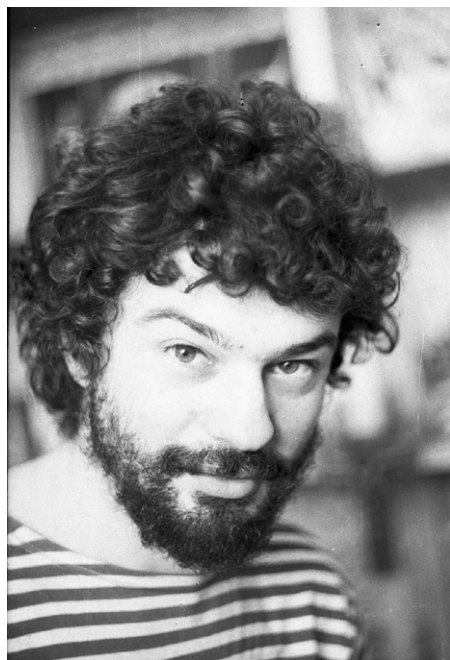
Солнце светит, и небо синее, а должно плакать. Особенный человек умер, большого света и мужества человек, не шедший на поводу ни у недуга, ни у толпы – до последнего. Чудесный черноморский самурай с палочкой, сжившийся со смертью, как и учит Хагакурэ, и незло подшучивавший над нею, удивительно чуждый всяческих пакостей, завистей и суетностей.

Может, оттого и не плачет небо, и светит солнце, что человек был пресветлый. Плачь, жемчужина у моря, но и гордись. Осиротел город Одесса, но и обрёл на небесах заступника, какого давно у него не было. Прощайте, Олег Губарь, спасибо, что были.

Владимир МИРОНЕНКО

Одесский литературный музей понёс невосполнимую утрату. Олег Иосифович Губарь не был сотрудником музея. Он был больше, чем сотрудник. Необходимая составляющая жизни города. Его собственная жизнь много лет висела на волоске, зависела от мучительных химиотерапий, но он жил так, как будто нет ни болезни, ни смерти. Бесстрашный. Великий труженик. Публицист. Историк. Краевед. Писатель. Душа общества. Сказать, что у Одессы вырвали сердце – не преувеличение. Город понёс невосполнимую утрату. Каждый, кому дорога Одесса, не может не чувствовать себя осиротевшим. Любимой, для кого имя Пушкина – культурный ключ, чувствует то, что испытал, узнав о гибели поэта. Мы потеряли друга и опору. Одесский литературный музей выражает свои глубочайшие соболезнования семье и близким Олегу Иосифовичу Губарю. Невыносимо тяжело.

Елена КАРАКИНА

Вот таким, как на этом фото, увидел я Олега Губаря сорок лет назад, когда он пришел ко мне в «Вечерку». Молодой Пушкин. С тем же обаянием. С пачкой первых романтических рассказов. Взрослел на глазах. Часами сидел в архиве. Выписки, выписки. Всё от руки. Но он никогда не был «книжным червяком». Веселый. Кумир девушек. Певец с гитарой. Знарок алкогольной топографии Одессы. Как же это сочеталось? Гармонично. Не забудем – участие в археологических раскопках. А бесконечные поездки по области, когда стал корреспондентом «Вечерки» с Ваней Череватенко, а ежегодная жизнь в лесу, чтоб отдохнуть от города... И при этом невероятная работоспособность. Он знал и понимал старую Одессу, ему ясна была логика ее первостроителей. И поэтому он стал защитником Одессы от варваров, от манкуртов. Вначале казалось, весь уходит в науку, даже литературу воспринимал, как второстепенное дело. Но постепенно в нем рос общественный темперамент. Я мог бы назвать дату. После 2 мая 2014 года он стал не только кабинетным ученым, правда без кабинета, но и трибуном, не побоюсь пафоса – совестью города.

Нежно любил Губаря Михаил Жванецкий. Вот лишь один его текст: «Олег Губарь. Мой любимый писатель. Он прекрасен среди умерших и живых. В его книгах – Одесса, перевернутая прошлым вверх. До нас он еще не дошел. Мы к нему в длинной очереди, заказываем свои портреты. Пиши нас, милый Губарь! А мы отдаем из старинной бутылочки чего-то современного. Твой неподалеку – Михаил Жванецкий». Как ни трудно поверить, представить – сегодня они действительно неподалеку. Но неподалеку Олег Иосифович и от каждого из нас. Мы читаем Губаря. Мы издаем Губаря. Мы продолжаем дело Губаря.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

«Гек до вещей был не завистлив и не жаден, но зато умел петь песни». Аркадий Гайдар «Чук и Гек».

Это я про безвременно ушедшего моего (и премногих) друга Олега Иосифовича Губаря. Дружба вообще, как мне кажется, была для него главным занятием в жизни. О чем свидетельствует, в частности, его уникальная «Энциклопедия друзей». А как он умел нас всех удивлять?! Вообще это был человек-сюрприз, человек-перформанс! А еще Олег был одним из самых свободных и независимых людей, которых я знал. Но при этом, хотя на многих производил впечатление «гуляки праздного», был фантастическим трудооголиком. Правда, было не совсем ясно, где и когда он – археолог и краевед – находил время разыскивать, изучать, скрупулезно собирать, анализировать, описывать и, наконец, обобщать множество своих озарений и открытий... Иногда, правда, причем, довольно часто, он надолго исчезал. То ли уходил в лес, то ли на берег моря подышать и набраться жизненных сил, то ли прятался в библиотеках, чтобы порыться в архивах и найти доказательства возникшей в его воображении какой-то феноменальной археологической, исторической и краеведческой гипотезы.

Никто как Олег Губарь не знал быт и нравы дореволюционной Одессы. Какие блестящие рассказы об этом он публиковал в нашем «Фонтане»! Мы даже специальную рубрику для него придумали: «Раскопал Олег Губарь». При этом он владел блестящим ироническим

Он вошёл в мою жизнь так же, как и в жизни большинства из вас: книги, история, город. За короткое время, волшебным образом, стал огромной её частью... Пройдитесь по городу, и обязательно услышите стук его трости. Он везде, в стенах старинных домов, в древней брусчатке, в храмах, в самом одесском воздухе. Тоска. Боль. Надо жить дальше. Жить так, чтобы ему не было за нас стыдно. Я обещаю.

Татьяна ВОЙТЕНКО

Как много ты нам оставил! Никогда о себе, ничего себе, все – наружу, всегда – о ком-то, все – отдать. Спасибо тебе за все, Олег. За твой труд, за честность, за доброту бесконечную, подвижник, стоик, совесть и душа города, любовь. Острое чувство утраты. Без тебя всем будет плохо. Но твоя жизнь, твои труды остались, прорастут, они навсегда.

Лала АЛЕСКЕРОВА

Абсолютно свободный человек. Бесребреник. Неподкупный. Неуправляемый, не загоняемый в рамки. Помню, в 90-х его звали замом по науке краеведческого. Да боже упаси...

Он шёл по обочинам, по старой привычке высматривая «культурный слой» и думал. Думалось ему хорошо в движении. Его знания были не застывшими, а живыми, бесконечным поиском. Он не знал и назидал, а искал и находил. Любил вопросы дилетантов. Они разворачивали в неожиданную сторону.

Анна ГОЛУБОВСКАЯ

литературным стилем, писал остроумнейшие стихи и миниатюры, так называемые, «губарики». А потом одна за другой пошли книги. И все необычные, свежие, небанальные, пользующиеся с каждым годом все большим успехом у читателей. А еще Олег Губарь, который «до вещей был не завистлив и не жаден», умел петь песни. Обладая безукоризненным слухом, он создавал ту целостную для наших душ гармонию, без которой жить в нынешние времена так трудно. Как и теперь без него...

Валерий ХАИТ

Не плачь Одесса, хватит сердце рвать
И запереться в траур и угрюмость...
Таких не стыдно Богу отдавать,
Чтобы светло о нас Он смог подумать...
Коль слух остёр и коль намётан глаз
Сумеет Бог в свои седые годы
Среди фальшивок отыскать алмаз,
Алмаз души в глуши пустой породы.
Мы лучшего из лучших отдаём,
Чтоб там, вверху, в раю в ответном слове
Замолвил бы о городе своём
По-русски, по-еврейски и на мове.
Он правдолюб и он же правдоруб,
Познавший рак и боль второго мая.
Внерамочный, отбившийся от рук,
Из племени умеек и всезнаек.
Честь города, дотошный краевед,
Обиженным он был всегда опорой.
Наш Губарь, наш Олег, наш горный свет...
И вдоль и вширь исхоженный наш город.

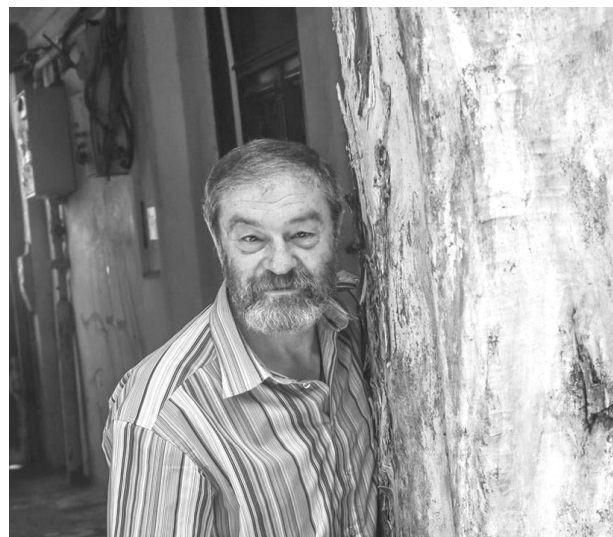
Был Губарь щупл и бескрыл,
Такой себе посланник Божий.
Но как Одессу он хранил,
И как он лучшее в ней множил.
Таких не делают сейчас,
Такие нынче в дефиците.
И я прошу, молю я вас:
«При жизни Губарей, цените!»
При жизни должно, не потом
Одессу и её Олегов
Хранить, как душу, честь и дом,
Оберегая от набегов.

Евгений ГОЛУБЕНКО

Умер Олег Губарь – совесть Одессы, «короед», – как он сам себя величал. «Краевед» – это не к нему. Он и был короедом, снимая с окружающего мира и людей коросту лицемерия, корыстолюбия и чванства. «Нельзя ли попроще?» – морщась, как бы говорил он, интеллектуал в десятой степени.

Олег – из тех редчайшей породы людей, одно только присутствие которых в обозримом пространстве согревает, дарит надежду и силу духа. И яркость света здесь не зависит от того, близко сейчас Олег или далеко.

Олег БОРУШКО

22 июня 2021 года мы будем отмечать трагическую дату в истории народа, а по сути, в истории каждой семьи, проживавшей 80 лет назад на территории СССР. Казалось бы, время лечит, уже четыре новых поколения пришли на землю, а боль не проходит, саднит.

Простенькие слова песенки Бориса Ковынева – «22 июня, ровно в четыре часа, Киев бомбили, нам объявили, что началась война» – стали народными. Это уже потом – «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...». И встали, и победили. И вновь с песней – «мы за ценой не постоим...».

Великая война породила великую литературу. Виктор Некрасов написал «В окопах Сталинграда», Эммануил Казакевич «Звезду», Борис Полевой «Повесть о настоящем человеке», Василий Гроссман «За правое дело», Константин Симонов «Живые и мертвые», публицистика Ильи Эренбурга, стихи Константина Симонова и Александра Твардовского...

Читатель хотел получить мемуары. И этот читательский запрос, казалось, был удовлетворен. Чуть ли не все маршалы надиктовали свои воспоминания. Им помогали профессиональные журналисты, иногда даже писатели – важно даже не то, что имена этих «литературных негров» мы не знаем и не узнаем, а то, что мыслили военачальники дивизиями, полками, а человек, солдат, а жена солдата, а ребенок солдата были песчинками в этих рассуждениях о героизме, о подвиге, о славе...

Отгремели салюты. Помянули павших. И всех вместе, и каждый своих родных. Не оставляла мысль, что лакируем мы представление о той войне.

Часто цитируют сегодня интервью маршала Ивана Степановича Конева, где, не выдержав пафоса и потоки, он сказал, что думает о цене Победы.

Конечно – Победа была. Конечно – она выстрадана. Дорога к ней – боль и кровь.

Вот эту живую историю через десятки конкретных человеческих судеб лишь в последние два десятилетия начали создавать наши писатели. Для меня она открылась в «Блокадной книге» Даниила Гранина и Алеся Адамовича, затем в книге Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо». И первая, и вторая построены, как многочисленные диалоги со свидетелями. Одних я мог бы считать свидетелями защиты, других – обвинения на так и не состоявшемся суде над всеми, кто развязал войну.

Чтобы читатель почувствовал, чем отличаются подобные свидетельства, приведу монолог одного из солдат Великой Отечественной Николая Никулина, воевавшего в Синявинских болотах, раненого-перераненого, но выжившего и написавшего собственноручно:

«...Я обратился, – пишет Никулин, – к бумаге, чтобы выскрести из закоулков памяти глубоко завешенную там мерзость, муть и свинство, чтобы освободиться от угнетавших меня воспоминаний...»

...Война – самое большое свинство, которое когда-либо изобрел род человеческий, война всегда была подлостью, а армия, инструмент убийства, – орудием зла. Нет и не было войн справедливых, все они, как бы их ни оправдывали, – античеловечны...

...На войне особенно отчетливо проявилась подлость большевистского строя. Как в мирное время проводились аресты и казни самых работающих, честных, интеллигентных, активных и разумных людей, так и на фронте происходило то же самое, но в еще более открытой, омерзительной форме. Приведу пример. Из высших сфер поступает приказ: взять высоту. Полк штурмует ее неделю за неделей, теряя множество людей в день. Пополнения идут бесперерывно, в людях дефицита нет. Но среди них опухшие дистрофики из Ленинграда, которым только что врачи приписали постельный режим и усиленное питание на три недели. Среди них дети 1926 года рождения, то есть пятнадцатилетние, не подлежащие призыву в армию... «Вперрред!!!» – и всё. Наконец какой-то солдат или лейтенант, командир взвода, или капитан, командир роты (что реже), видя это вопиющее безобразие, восклицает: «Нельзя же гробить людей! Там же, на высоте, бетонный дот! А у нас лишь 76-миллиметровая пушечка! Она его не пробьет!»... Сразу же подключается политрук, особист и трибунал. Один из стукачей, которых полно в каждом подразделении, свидетельствует: «Да, в присутствии солдат усомнился в нашей победе». Тотчас же заполняют уже готовый бланк, куда надо только вписать фамилию – и готово: «Расстрелять перед строем!» или «Отправить в штрафную роту!» – что то же самое. Так гибли самые честные, чувствовавшие свою ответственность перед обществом люди. А остальные – «Вперрред, в атаку! Нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики!». А немцы врылись в землю, создав целый лабиринт траншей и укрытий. Поди их достань! Шло глупое, бессмысленное убийство наших солдат. Надо думать,

К 80-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Книга народной памяти

Виктория
Коритнянская

*Истории,
которые останутся
с нами...*

эта селекция русского народа – бомба замедленного действия: она взорвется через несколько поколений, в XXI или XXII веке, когда отобранная и взлелеянная большевиками масса подонков породит новые поколения себе подобных...»

Гордился ли настоящий интеллигент Николай Никулин, что мы победили в войне? Безусловно. Но знал, чувствовал, что потери были безмерны. И приходил к единственному выводу, что всякая война – свинство.

И вот подобная по значимости книга родилась в нашем городе, на материале и Одессы, и всей Украины. В издательстве «Черноморье» ко Дню освобождения Одессы вышла из печати документально-публицистическая книга Виктории Коритнянской «Истории, которые останутся с нами...». В ней несколько сот монологов, записанных писательницей, разговаривающей и с участниками войны, и с «детьми войны», и с «внуками войны». Пытающейся понять, что осталось в памяти этих людей про ту, вроде бы уже далекую, но незабываемую войну.

Сто лет назад была Первая мировая. Что мы помним? Ничего! А Великая Отечественная так глубоко перепачкала саму жизнь, что кровоточит и сегодня.

У Виктории Коритнянской уже были предшественники. Но все равно каждая следующая попытка собрать такую книгу – ходьба по минному полю: тревожишь души людей, оказываешься вовлеченной не в одну биографию, а в народную жизнь. Для такой работы нужно обостренное чувство сопереживания и музыкальный слух, чтобы запечатлеть интонацию каждого собеседника.

Виктория Коритнянская, сотрудник реставрационных мастерских, пришла лет пять назад в студию «Зеленая лампа» при Всемирном клубе одесситов, показав несколько коротких рассказов. Они подкупали искренностью чувств, нежностью к своим героям. А потом Виктория принесла короткую повесть «У смерти за пазухой». И я поверил, что писатель состоялся, что это литература. Мы опубликовали ее повесть в сборнике прозы студийцев «Пока Бог улыбается». И ждали.

И вот новая – большая книга. Не парадное описание войны, подвигов и фанфар, а сострадание к тем, кого покалечила война, боль, боль, боль...

«В книге «Истории, которые останутся с нами...» представлены более 70 очерков и историй-воспоминаний о Второй Мировой войне, рассказанных людьми разных возрастных категорий: очевидцами или участниками, представителями второго и третьего поколений, рожденных после войны. Среди поделившихся воспоминаниями было достаточно много людей возрастом 90 и более лет. Они, кроме уникальных историй о Второй мировой (пережитых на фронте, в оккупации и эвакуации, а также в плену и на принудительных работах в Германии), также рассказали о голоде в 1932-1933 и 1946-1947 гг.

География пережитых историй разнообразна. Наибольшее количество моих респондентов – жители Одессы и Одесской области. Но есть в книге и «живые» свидетельства представителей других населенных пунктов Украины: Киева, Львова, Свалявы, Луцка, Днепра, города Счастье Луганской обл., сел Полтавской, Николаевской, Черкасской, Харьковской областей.

Мне кажется, у меня получилась антивоенная книга. Истории в ней, словно пазлы, показывают войну во множестве ее проявлений. И каждый – а в книге есть истории украинцев, евреев, русских, татар и рома – пережил в эти годы боль и страдания, постоянный страх и голод...

Книга немаленькая – 540 страниц. Но это лишь капля в море для страны, где «трудно найти семью, где бы война не стала домашней историей».

Виктория КОРИТНЯНСКАЯ.

В этой книге нет пафоса. Но есть осознанная цель – показать немислимость войны, разрушающей в человеке человека. Чтобы вы представляли, о чем я рассказываю, вот маленькие фрагменты больших историй, выхваченные как бы увеличительным стеклом из более чем 500-страничной книги.

Жанна, г. Одесса:

– Я до сих вспоминаю с ужасом... Помню, как каждый день слушали по радио Левитана. А он говорил: «Такой-то город сдан, такой-то город взят...».

И все взрослые начинали плакать, и мы, дети, жались к мамам и бабушкам и тоже плакали...

Помню, как в бомбоубежище мама прижимала меня к животу и руками зажимала мне уши, чтобы я не слышала шума, свиста снарядов...

Помню, как после бомбежки мы первым делом бежали к нашему дому, смотреть, целый он или нет... Это было так страшно, остаться без дома...

Галина, г. Одесса:

...Папу моего Спиридона Андреевича расстреляли в 44-м. Дома расстреляли, у нас на глазах... Пришел офицер с бляхой такой на груди, СС, наверное, с пистолетом, – и прямо к чердаку: «Лестницу дай!». Мы ему лестницу не дали, конечно, стали кричать... Мама кричит, я с сестрой кричу, просим: «Не трогайте папу!». А он тогда, у нас возле курятника пристроечка такая была, будочка небольшая, вылез на ту пристроечку и через окошко чердачное убил папу... Два раза попал ему в голову, одна пуля через щеку назад вышла, а вторая так вроде сбоку, от уха до уха...

Алла, г. Балта, Одесская обл.:

...А дальше немного, на нашей же улице, жил с семьей двоюродный брат бабушки, Федор. Он работал учителем, и 30 марта, на следующий день, как Балта освободили, случилась с его семьей трагедия. Жена его постирала и вывесила на улице белье, простыни, еще что-то, погода, видно, была хорошая, и летел немецкий самолет, и летчик, наверное, подумал, что там госпиталь, и сбросил на усадьбу три бомбы. Я помню эти воронки глубокие, эти ямы, где-то в двух метрах друг от друга... И Федор, его жена и дочка, и жены сестра родная погибли, а сын Федора Саша, ему тринадцать лет тогда было, побежал как раз, послал его в магазин за газетой, а когда вернулся – дома нет уже... Так их всех и похоронили рядышком, четыре могилы в ряд на кладбище стоят...

Николай, г. Одесса:

...Я помню освобождение Одессы. У нас в двери в наш полуподвал было стеклышко, и оно было плохо закреплено. И ночью, где-то в полчетвертого утра – мы спали все в одной комнатке – вдруг колоссальный, оглушительный стук в дверь, и стеклышко это громко очень задребезжало. Мы проснулись все, конечно. Дедушка нас обнял: тогда же и партизаны ходили, и немцы, и румыны свирепствовали... Мы не знали, что нас ожидает... А потом зажгли все-таки свет, не помню, что там было, или свечечку, или лампу керосиновую, и увидели через это стеклышко зеленую каску и на ней большую красную звезду. И когда открыли, вошел солдатик. Уставший, они же там пробирались через эти лиманы... В плащ-палатке с ППП, автомат у него висел на ремне... И мы от радости чуть не задавили этого солдатика в объятиях. А на следующий день, когда рассвело, во дворе творилось что-то невероятное... Люди пели и танцевали... Для нас это был День Победы!

Как видите, я взял разные монологи, про разные годы войны, на русском, на украинском языке, так, как люди говорили, так, как помнят, как рассказывают своим детям и внукам.

Мы поставили памятники в честь Победы, назвали улицы в память о героях, но все мемориалы мертвы без человеческого сострадания, без ненависти к войне. Поэтому эта книга нужна сегодня Одессе. Книга народной памяти.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ,

журналист, культуролог.

К 80-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Виктория Коритнянская

Воспоминание-боль
моей мамочки...

В 2021 году 14 мая в Украине на государственном уровне впервые отмечали «День памяти украинцев, которые спасали евреев во время Второй мировой войны». Действительно, нашей стране есть чем гордиться. По количеству Праведников народов мира Украина занимает четвертое место после Польши, Голландии и Франции. И это, заметим, только официальная статистика (данные музея «Яд-Вашем» от 01.01.2020 г.). На самом деле людей, спасавших в Украине евреев, гораздо больше... Имена их теперь, к сожалению, в силу разных причин вряд ли уже когда-нибудь будут увековечены на Горе Памяти в Иерусалиме. Супруги Петр и Любовь Радько и Анастасия Трофименко – из таких безымянных...

Но 2021 год знаменателен не только этим. В июне исполняется 80 лет с начала Холокоста на территории бывшего СССР, трагедии унесшей более 2,5 миллионов жизней. А в октябре 1941 года началось «решение еврейского вопроса» в Одессе. С первых дней оккупации города евреи почувствовали на себе всю беспощадность новой власти. Период этот сегодня отмечен многочисленными местами скорби: в Одессе, Богдановке, Доманевке, Акмечетке, Мостовом, Лидевке и других городах и селах на территории бывшего губернаторства Транснистрия, там установлены памятные знаки... Более двухсот тысяч евреев были уничтожены там во время войны только лишь потому, что они – евреи.

Первые колонны евреев в сторону Богдановки и Доманевки по так называемой Дороге смерти отправлены из Одессы в конце октября. В дальнейшем, после образования гетто на Слободке, колонны евреев по Дороге смерти шли ежедневно¹...

В одной из таких «октябрьских» колонн шла и мама Тамары Яковлевны Трофименко, Лидия Александровна Пилленко со своим первенцем Исааком. К сожалению, Лидия Александровна рассказывала дочери о тех страшных событиях мало – не хотела, да и боялась, наверное, ворошить прошлое. Но сохранились воспоминания Семана Штаркмана – в то время 12-летнего мальчишки, тянувшего на саночках в той же колонне младших братика и сестричку, и свидетельство 15-летней жительницы села, впоследствии Праведницы народов мира, Надежды Гнатюк. Некоторые подробности из жизни узников в Доманевском гетто, в частности, и приблизительную дату расстрела Лидии Александровны с сыном, мы знаем благодаря этим людям². И, слава Богу, живы еще люди, помнящие имена спасителей мамы и брата Тамары Яковлевны: Петр Радько с женой Любой, рискуя жизнью, не только не выдали найденных в свинарнике беглецов, но и переправили их ночью «надежной» знакомой – Анастасии Леонидовне Трофименко, которая прятала их у себя в доме на протяжении всей оккупации. Лучше историю своей мамы расскажет дочь. Это воспоминание-боль, которое без слез читать невозможно...

Тамара, г. Одесса:

– Я родилась после войны, после Победы, в 46-ом году, 15 мая. Но историю моей мамы могу рассказать. Это её воспоминание-боль... Они жили в Одессе, на Пироговской 5. В октябре 41-го года ее выгнали с грудным ребенком, моим старшим братиком Изей, из дома и этапом отправили в Доманевское гетто. Как она осталась жива, как пережила все и ребенка сохранила, до сих пор не понимаю... А ведь ее расстреливали... Спасла ее одна женщина

– толкнула в яму еще до выстрела. А ночью на рассвете они выбрались из этой ямы... И мамочка вспоминала, как хваталась, цеплялась пальцами за мерзлую, липкую от крови землю... Как разошлись потом с той женщиной в разные стороны, и она даже имени ее не спросила... Так всю жизнь и вспоминала – ТА женщина...

Мама тогда пошла в село. И у крайнего двора зашла в сарай... А может, это был свинарник. В том сарае – поросенок, а в корыте у него – недоенный кабачок... Мама съела тот кабачок и легла, прижалась с ребеночком к поросенку, чтобы согреться... В эту грязь легла, представляете? А утром зашел в сарай хозяин. И мамочка вскочила, стала просить:

– Не выдавайте! Христом Богом молю, дяденька, не выдавайте!

И тот в ответ, чуть не плача:

– Господи, дивчина, як же це? Як же? Нас же всіх постріляють... В мене ж в самого трое дітей і мати старенька...

А потом ночью отвел ее к бабушке Насте, та жила на соседней улице, вроде как на краю села (на улице Радянській), и у нее было четверо детей... Понимаете, легче было их там спрятать... И маму там переодели, повесили ей на шею крестик, и стала она не Лия Пиллен, а Лидя Пилленко. А Изя стал Толя, но это уже потом... Его называли, как девочку, потому что, мама рассказывала, одевали его в платьишко байковое и косыночкой, так низенько, личико завязывали, чтобы не видно было, что это мальчик... А если немцы или румыны во двор заходили, мама с братиком быстро на печку или куда там ложилась и сверху тряпьем укрывалась. И бабушку, если спрашивали: «Кто такие?», она: «Больные тифом...», – отвечала...

Жили они в постоянном страхе... Все время боялись, что кто-то узнает и сдаст... А однажды... Зашел в хату румын. Посмотрел, Наташа – старшая дочка бабушки Насти, стояла, Изя, он же тоже, как девочка, в платьице и платочком повязанный, Ганночка – самая младшая и Лена с Яшей – сыновья...

– Когда это ты столько детей наражать успела? Что, девки одни? – спросил.

– Нет. Вон, два сына, – бабушка отвечает.

А Ганночка красивая была... Волосы у нее были густые-густые...

И румын тот вдруг схватил Ганночку, выскочил из хаты и... побежал огородами... Подняли, конечно, крик, догнали его, девочку забрали... А он плакал потом:

– У меня, – говорил, – дочка дома осталась такая же. Я ничего б ей не сделал... Я б ее не обидел... Я только посидет с ней хотел...

И все люди вокруг, кто стоял и слушал, тоже плакали...

Дожили мамочка с братиком до Победы... Спасли их люди... А муж, отец Изю не дождал... Звали его Овсей Исаакович, фамилия – Горенман. Он был старше мамы на шестнадцать лет.

Мама моя родилась в 1918 году, в селе, в Херсонской области. И папа мамин, мой дедушка, был рассержен: он сына хотел, а тут – девочка! И не забирал бабушку с мамой из роддома, пока та сама не вернулась. Пришла домой, зашла в сарай и отравилась крысиным ядом. Дедушка, конечно, себя очень корил и простить себе не мог, но жизнь, она же продолжалась... Маму вскоре отдали в детдом, дедушка несколько раз женился, но ни одна из его жен не хотела принимать сироту, и мама до семнадцати лет «кочевала» по интернатам, потом поступила в кредитно-экономический техникум в Одессе. И там на нее обратил внимание Овсей Исаакович. Он преподавал в техникуме математику, и мама, худенькая, маленькая, с густыми длинными косами

и скромной улыбкой, ему понравилась. Мамочка была плохо одета, и однажды он подошел к ней и сказал:

– Приходите к нам домой, мама подберет вам что-нибудь из одежды...

И мамочка пошла. А потом ее пригласили на праздник, затем еще по какому-то поводу, и так они стали дружить и общаться. В 40-м году, в ЗАГСе возле Оперного, поженились, а 3 января 1941 года у них родился сыночек Изя, Исаак. Жили хорошо. В доме на Пироговской, 5, я говорила уже, была у них хорошая, прекрасно обставленная квартира... Пока... Не началась война... Я не знаю, почему они остались в Одессе... Овсей, муж мамочки, наверное, пошел в ополчение... Он служил в порту, в противовоздушной обороне, и днем, 15 октября, когда последние советские войска покидали Одессу, прислал мамочке записку, что они оставляют город, но взять ее с сыном он, увы, не может... Что случилось дальше с Овсеем, мы не знаем... Потом, когда братик вырос, он пытался найти о нем хоть что-то, но нет... Пропал человек, бесследно пропал³...

А мама с 6-месячным Изей осталась в квартире. Вскоре к ним, как зверь, ворвался румынский жандарм. Он выстрелил вверх по красивой, из хрустального стекла, люстре. Стекло полетело вниз, мама, прижимая к себе сына, закричала. И румын... увидел у нее во рту золотой зуб. Он тут же достал из кармана маленькие ножнички с загнутыми кончиками и показал, чтобы мама сняла коронку. Мама тут же сняла, отдала ее румыну, а тот что-то закричал, ударил ее и выгнал из дома. Выгнал раздетой, не разрешил ничего взять с собой...

После этого мамочка с Изей попала в колонну, которая шла на Сортировочную... Как она там очутилась? Может, ее арестовали? Не знаю... Потом, мама уже рассказывала, их гнали в Доманевку... Два румына и немцы-колонисты... Где-то 500 евреев было в этой колонне... Тех, кто отставал или не мог идти, расстреливали по дороге... Шел конец октября, и было уже холодно... А мамочка была совершенно раздетая, и мой братик тоже... Когда колонна шла через какие-то деревни, люди бросали им кусочки хлеба, картошку, что-то из одежды... И однажды... Одна женщина бросила валенки... Мама словила один и опустила в него Изю и так и нешла всю дорогу, в валенке... У мамы от всего этого ужаса, голода и холода не было молока, и она давала Изе сосать губы... От этого у мальчика был кровавый понос. А у мамочки вместо губ была сплошная рана...

Три дня шли они из Березовки в Доманевку. А когда пришли, их разместили в клубе (размещавшемся в здании бывшей синагоги), и там они находились... А в ноябре 41-го года жандармы и полиция Петр Кузниченко повели мамочку с Изей вместе с другими евреями на расстрел. Там недалеко, на горке, рядом с колхозной овчарней, были вырыты большие силосные ямы. И их расстреляли, но женщина, ТА женщина спасла их... Так удачно все сложилось... Немцы потом, в самом конце стреляли сверху, добивали раненых, но мама с братиком лежала под убитыми, и их не задело... И мамочка всю жизнь с ужасом и страшной болью вспоминала, как лежала на убитых, мокрых от крови телах... Как зажимала рукой Изю рот, чтобы тот не заплакал...

Такая вот история... Такая боль... Мамочки не стало в 83-ем году. Она всю жизнь проработала в Доманевке, главным бухгалтером на Маслоульновском заводе... В Одессу так и не вернулась – все чего-то боялась... Вышла замуж потом за украинца, за моего папу, Трофименко Якова, сына бабушки Насти, родила еще двух детей: Леню и меня...

Счастливые молодожены. Горенман Овсей и Лия, 1940 г., г. Одесса

Папа мой 27-го года. Ему, когда началась война было четырнадцать лет. Немцы, как пришли, забрали его в трудовую армию, и он в Румынии рыл окопы. Во время бомбежки ему в ногу попал осколок, и он долго болел... После войны папа вернулся домой, и они с мамой поженились... Мамочка как-то, еще в селе румыны стояли, сказала бабушке:

– Кто меня, нищую еврейку с ребенком возьмет? Не будет у меня уже больше ни мужа, ни детей...

А та ей ответила:

– Возьмут, вот увидишь! И девочку родишь. Родится она у тебя в середине года, в середине месяца, среди недели, в середине дня.

И действительно, в 46-ом я родилась, в мае, 15 числа, в среду, в три часа дня...

¹ Массовые облавы на евреев начались в Одессе после взрыва комендатуры на улице Маразлиевской, 22 октября. В течение последующих дней евреев выгоняли из квартир и колоннами гнали в одесскую тюрьму и местам «акций». Боровой С.Я. в рукописи «Гибель еврейского населения Одессы во время фашистской оккупации» писал: «Во второй половине дня 23 октября евреев начали тысячами сгонять в тюрьму». 24 октября: «Десятки тысяч евреев – мужчин, женщин, стариков, детей – сгонялись под конвоем в тюрьму и двигались «добровольно», вдоль увешанных трупами улиц в Дальник, подгоняемые полицейскими. Больные, слабые, калеки, не выдерживающие темпа движения, пристреливались тут же на месте. Весь длинный путь к тюрьме и Дальнику был усыян мертвцами. Конвоиры по дороге грабили обреченных на гибель людей. Тысячи людей, следуя мимо первого и второго еврейского кладбища, вливались во двор старой Одесской тюрьмы, за ними закрывались ворота. Другой поток, двигаясь через Молдаванку и бесконечно длинную Дальническую улицу, шел на Дальник».

² В очерке использованы воспоминания С. Штаркмана и Н. Гнатюк, опубликованные в книгах «Дорога смерти» (Одесса, 2003 г.) и «Большая сквозь год» (Одесса, 2005 г.), а также данные из книги «Праведники народов мира. Праведники Украины, спасители: Николаевская обл.» (Николаев, 2016 г.).

³ В Обобщенном банке данных «Мемориал» обнаружены сведения о пропавшем без вести Гореман Овсее Исааковиче, родившемся в 1906 г. в селе Ободовка Винницкой обл. Овсей Исаакович был призван в РККА в Кагановичском р-не (от авт. – в настоящее время Приморский р-н) г. Одессы в июне 1941 г. Красноармеец, солдат, член ВКП /б/. Пропал без вести (данные из списка уточняющего потери за июнь 1944 г.). В графе «Родственники» указана сестра, Гореман Ида Исааковна, проживающая по адресу: г. Одесса, Каретный переулок 29/16. Часть сведений о О.И. Горемане приведена также в «Книге Памяти воинов-евреев, павших в боях с нацизмом. 1941-1945 гг.», Т.1, 1994 г.

«ТЕАТР В ФОТООБЪЕКТИВЕ»

Юрий Литвиненко. «В небеса»

Анастасия Агаркова. «Тайна Макропулоса»

«Фотография – не случайность, она – носитель идеи».

Ансел Адамс (1902 – 1984, американский фотограф)

В XIX веке возможность с помощью фотоаппарата точно отобразить объекты действительности потрясла человеческое воображение. Феномен фотографии был предметом интереса философов и культурологов на протяжении всего своего существования. О нём писали В. Беньямин, Р. Барт, Ж. Бодрийяр... И в XXI веке ему посвящено множество статей и научных монографий. Почему фотография до сих пор остается настолько притягательной? Может, потому, что из всех видов изобразительного искусства, фотография ближе всего к живописи?

Не секрет, что многие знаменитые художники (Ян Вермейер, Диего Веласкес) писали свои картины с помощью камеры-обскуры, прародительницы фотокамеры. А художник-импрессионист Эдгар Дега свою знаменитую картину «Голубые танцовщицы» рисовал с фото-

графий, которые были сделаны им собственноручно. Причем, он пользовался устаревшей камерой, с большой выдержкой, заставляя своих натурщиц долго позировать, несмотря на то, что к тому времени была доступна уже более совершенная техника. К фотографии Дега относился как к инструменту исследования человека, неуловимых глазом движений танцовщиц.

Что исследует современный театральный фотохудожник, попытались выяснить организаторы Международного конкурса театральной фотографии «Театр в фотообъективе». Отраднo, что данный конкурс родился именно в Одессе, где еще в 1840-х годах начал работать первый фотографический кабинет. В то время фотографии были еще и художниками: им приходилось ретушировать снимки, доводя их до совершенства.

Насколько совершенными могут быть современные фотографии с помощью одной только

«Важно быть не ремесленником-фотографом, а художником»

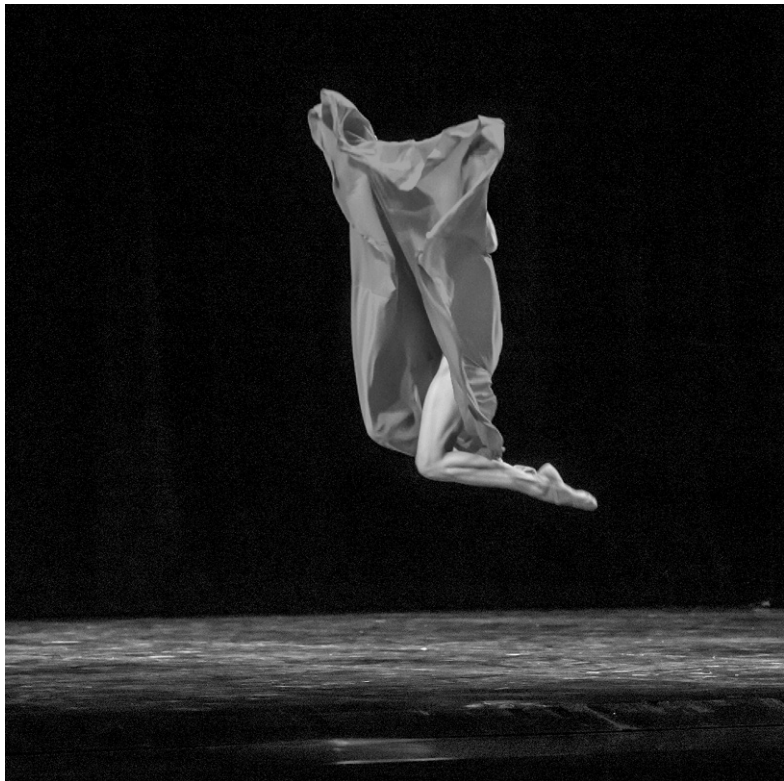
фотокамеры, решали члены Международного Экспертного совета в составе известных фотохудожников и фотографов: Юрия Мечитова (Тбилиси, Грузия) – легендарного грузинского фотографа, автора книги-фотоальбома «Сергей Параджанов. Хроника диалога»; Нины Аловерт (Нью-Джерси, США) – мастера балетной фотографии и театрального критика, автора и дизайнера книг и альбомов, посвященных балетному искусству и артистам балета; Елены Вильт (Таллинн, Эстония) – фотохудожника, театрального фотографа; Сергея Ждановича (Минск, Беларусь) – фотографа, художника; Изи Шлосбергса (Мэриленд, США) – художника, писателя,

философа, основателя творческого союза «Shiva-club»; Елены Мартынок (Одесса, Украина) – заслуженного фотохудожника Международной федерации фотографии, члена Европейского союза профессиональных фотохудожников; Макинде Аденирана (Абеокут, Нигерия) – драматурга, режиссера, председателя Национальной ассоциации нигерийского театрального искусства (NANTAP Lagos state); Ариэля Сесилию Лемуса (Гавана, Куба) – фотожурналиста; Йована Видаковича (Требинье, Босния и Герцеговина) – фотографа, участника и победителя предыдущих конкурсов; Реза Мозафари Манеша (Иран, Тегеран) –

фотографа, участника и победителя предыдущего конкурса.

В этом Конкурсе участвовали профессионалы и любители театра (аниматоры) из Беларуси, Великобритании, Боснии и Герцеговины, Греции, Грузии, Израиля, Ирана, Индии, Казахстана, Канады, Кубы, Литвы, Нигерии, Польши, России, Сербии, Словении, Украины, Эстонии.

Украину представили фотографы из Днепра, Киева, Львова, Мариуполя, Николаева, Харькова, Хмельницкого, Кривого Рога и, конечно, Одессы (Анастасия Агаркова, Ирина Рогова, Юрий Литвиненко, Екатерина Соколова, Юлия Кондратенко, Владислав Золин).

Юрий Литвиненко. «Красные танцы»

Ирина Рогова. Портрет Наталии Бузько

Ирина Рогова. «Собачье сердце»

По итогам Международного театрального фотоконкурса «Театр в фотообъективе-2021» Международное жюри выбрало 174 фотографии в пяти категориях: АРТ, ПОРТРЕТ, ОПЕН и ДВИЖЕНИЕ в ИСКУССТВЕ, РЕТРО, а также (по итогам онлайн-голосования на странице проекта) были определены Призы зрительского голосования. Кроме того, были учреждены Специальный приз жюри и Специальный приз Организаторов Конкурса.

Эксперт международного фотоконкурса, одесситка, Елена Мартынюк отмечает, что «важно быть не ремесленником-фотографом, а художником».

Также считает и эксперт из Таллинна Елена Вильт: «Для фотохудожника, желающего освоить специфику работы с театральным пространством, так же, как и для всех занимающихся фотоискусством и работающих в контексте создания художественного образа, образование в сфере культуры и искусства нужно обязательно. Причем, непременно в сочетании с хорошей подготовкой по классическому рисунку. А сама способность свободно ориентироваться в классической и современной живописи, музыке и других видах искусства должна стать для фотохудожника нормой, образом жизни. Это необходимо как для сохранения высокого качества создаваемого им художественного образа (что в итоге напрямую влияет на информационную грамотность населения в целом), так и для становления настоящего и признанного мастера фотографического искусства».

Так что изменилось? Какую ценность имеют работы именно театральных фотохудожников? Насколько они перекликаются с тем, что оставили для потомков художники? На эти вопросы вы можете ответить сами, если посетите онлайн-выставку театральных фотографий Конкурса.

Владислав Золин. «Ромео и Джульетта»

Категория ОПЕН среди любителей

III место – Владислав Золин (Одесса) – «Ромео и Джульетта» в постановке Одесского ТЮЗа.

АРТ категория среди профессионалов

III место – Юрий Литвиненко (Одесса) – «В небеса» (Наталья Куш, Сергей Доценко, Одесский оперный театр).

Специальный приз организаторов – Анастасия Агаркова (Одесса) – Одесский академический театр им. Михаила Водяного. Спектакль «Тайна Макропулоса» режиссер-постановщик Владимир Подгородинский (заслуженный деятель искусств России). На фото: Владимир Кондрачев (заслуженный артист Украины).

Специальный приз организаторов – Ирина Рогова (Одесса) – Спектакль «4D Pridurki», «Дом клоунов», Одесса, режиссер Олег Савченко.

Категория ПОРТРЕТ среди профессионалов

II место – Ирина Рогова (Одесса) – заслуженная артистка Украины Наталья Бузько. «Дом клоунов», Одесса.

Приз зрительских симпатий – Анастасия Агаркова (Одесса) – Одесский академический театр музыкальной комедии им. Михаила Водяного. Спектакль «Моисей», режиссер-постановщик Владимир Подгородинский (заслуженный деятель искусств России). На фото: Ольга Кононцева.

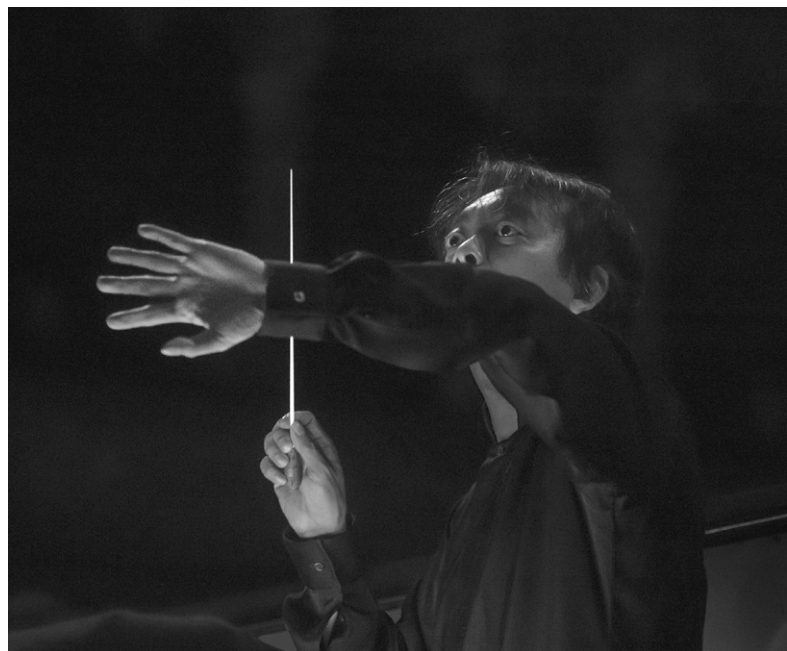
Категория ОПЕН среди профессионалов

III место – Юрий Литвиненко (Одесса) – «Оркестровый самурай» (дирижер Хирофуми Йошида, Одесский оперный театр).

Специальный приз жюри – Ирина Рогова (Одесса) – Одесский Украинский музыкально-драматический театр им. В. Василько. Спектакль «Собачье сердце», режиссер-постановщик Максим Голенко.

КАТЕГОРИЯ ДВИЖЕНИЕ в ИСКУССТВЕ среди профессионалов

III место – Юрий Литвиненко (Одесса) – Красные танцы (Мария Рязанцева, Одесский оперный театр).

Юрий Литвиненко. «Оркестровый самурай»

Ирина Рогова. «4D Pridurki»

Анастасия Агаркова. Портрет Ольги Кононцевой.

Каково это – в наше время, в нашей стране заниматься банковским делом и быть успешным в этой сфере? С этого вопроса началась наша беседа с Вадимом Викторovichем.

– Заниматься банковским делом никогда не было легко. Это сложная профессия. Нужно быть экономистом, финансистом, психологом, то есть, иметь спектр знаний во многих отраслях. Кроме того, что банкир обслуживает клиентов, выдает кредиты, принимает депозиты, одна из главных задач – правильная помощь и консультация клиентов. Это та основная сила, которая отличает нас от других банков. Мы содействовали созданию бизнесов в нашей стране, дали нужное направление и защиту, помогли им развиваться и правильно решить конфликты. Именно поэтому банку «Восток» за короткий период удалось стать прибыльным и войти в 20-ку крупнейших банков. Конечно, во многом, благодаря авторитету моего партнера Владимира Костельмана и той команде, которая работает со мной уже больше 20 лет. Формула успеха – это большой труд, авторитет, знание, молодость и любовь к своему делу.

– Сегодня, однако, можно наблюдать, как одни банки закрываются, другие сокращают свои отделения. С чем это связано?

– На наших глазах меняется мир, все переходит на современные технологии. Отпала необходимость в больших операционных залах, инкассациях, кассах. Сегодня банк может поместиться в телефоне. Тут важно идти в ногу со временем. И тот, кто изначально правильно укладывал фундамент, не нуждается в больших

сокращения. Правильный банкир никогда не раздувает свою команду.

Конечно, никто не ожидал Ковида и его последствий, но было понятно, что что-то произойдет. Теперь понятно, что это будет продолжаться минимум 2-3 года. Но банкир должен всегда ожидать худшего, анализировать все риски и выстраивать соответствующую стратегию. Поэтому сейчас очень модная профессия – риск-менеджер.

Мы изначально были риск-менеджерами, анализируя и собственные риски, и риски своих клиентов. И этот прагматичный подход дает нам возможность развиваться. Другим плохо, а мы – растем. Мы научены горьким опытом кризисов 1994, 1998, 2004, 2008... Трудно сказать, когда у нас не было кризисов. И мы их прошли с высоко

К ЮБИЛЕЮ ВАДИМА МОРОХОВСКОГО

Талант создавать

поднятой головой, не подводя клиентов, партнеров, и продолжая идти дальше.

– Вы знали, кем станете, будучи выпускником Экономического университета? Кто для вас являлся примером?

– В юности я прочитал роман Т.Драйзера «Финансист», это дало мне толчок. В банковском деле мне импонирует творческая составляющая. Можно создавать новые рабочие места, менять и улучшать инфраструктуру, осуществлять инвестиции.

Банкиров обычно считают строгими, жесткими, они у кого-то что-то забирают. По этой причине мы никогда не осуществляли кредитование физических лиц, которое закончилось трагедиями и для многих банков, и для людей. Были единичные случаи, когда мы забирали залог. Мы всегда стоим рядом с клиентами, даже если у них возникла проблема, мы стараемся найти выход из сложившейся ситуации. И наши клиенты это ценят.

Девять лет назад, когда мы запустили «Восток», он был самым маленьким банком в Украине. Рынок был весь поделен. Никто не верил, что может быть создан новый банк, и к нему придут клиенты. А теперь ежедневно в наш банк приходят новые клиенты, потому что они находят здесь то, чего нет в других банках: длительные, надежные отношения, понимающую команду. Очень важно, что мы не ставим задачу «прибыль любой ценой». Мне важнее репутация. Я надеюсь, что однажды мои сыновья унаследуют этот бизнес, и я не хочу

реализовать свою идею. Я рад, что на сессии горсовета коллеги поддержали меня в вопросе финансирования трех культурных мероприятий города. Это фестивали «Одесса Classic», «Золотые скрипки Одессы», «Осенние сезоны» Хобарта Эрла. Образование, туризм и культура – вот три «кита», на которых мы стоим. Современный город – это город развитой культуры, в противном случае, он будет умирать. Одесса будет жить, если будет приток инвестиций. Один из главных культурных проектов, который я веду, – это Музей современного искусства Одессы, который был создан на основе коллекции Михаила Кнобеля. С недавних пор я занимаюсь концепцией нового проекта – арт-кластера «Одесский Дом Художников». Изобразительное искусство, видеоарт, музыка, поэзия, кино – объединяет общей культурной институцией, связывающей Одессу с Европой. Кластер привлечет в город именитых художников, скульпторов и артистов со всего мира. Каждое воскресенье там будут устраивать выставки-общения с художниками. А в 50 мастерских смогут работать рядом именитые мастера и талантливые дебютанты. В выходные дни эти мастерские будут превращаться в выставочное пространство. В ОДХ мы планируем создавать до 250 событий в год. Одесский дом художников, надеюсь, будет являться новым культурным магнитом. Мы нашли для него хорошую локацию – Одесский завод шампанских вин. И это позволит уберечь от застройки территорию на Французском бульваре и сохранить историческое здание. Кому это может казаться сейчас невероятным. Но 12 лет назад многие тоже не верили, что старинный особняк на Белинского/Леонтовича будет сохранен и восстановлен, а город получит Музей современного искусства. Мы восстановили и особняк, и парк. Теперь музей активно развивается, его посещают тысячи людей и знают во всем мире.

Я рад, что мы вместе с моими друзьями и партнерами двигаем меценатство и благотворительность в нашем городе.

– Насколько новый проект «Дом художника» будет финансово оправдан?

– На культуре прибыль не получишь, все вложения в культуру стартово убыточны. Дом художников не планируется как прибыльная институция. Но культура приносит огромное количество косвенных плюсов. Скажу по своему

опыту: я первый поддержал фестиваль «Одесса Classic», теперь другие компании борются за то, чтобы поддержать этот проект. Поначалу все трудно. Помню, как запускался проект Игоря Покровского «Золотые скрипки Одессы», как начинал приехавший молодым юношей Хобарт Эрл и стал знаменитым дирижером, как начинал украшать город своими арт-объектами Михаил Рева, ныне известный скульптор.

Это все работает на имидж города. И сложный энергоемкий проект Дом художников может стать объединяющим звеном.

– Несомненно ваша заслуга и в том, что с недавних пор работы одесских художников заняли почетное место в Центре Помпиду в Париже. Как вы видите дальнейшую популяризацию украинского искусства?

– То, что произошло, стало ключевым моментом в развитии отечественного искусства. Группа украинских коллекционеров из Харькова, Львова, Киева, Одессы без участия государства осуществили этот важный шаг. Впервые институция мирового уровня ввела отдельную коллекцию произведений Украины. Отбор работ принадлежал французским экспертам. Это заслуженное признание украинских художников и украинской культуры музеем мирового уровня. И мне кажется, не все еще поняли значимость данного события. Теперь ждем глобальную выставку, которая будет представлена в Центре Ж.Помпиду.

– Наряду с изобразительным искусством, вы целенаправленно много лет поддерживаете другие сферы культурной жизни Одессы. Как появилась идея заняться благотворительностью?

– Это заслуга не моя, а моих родителей. Так меня воспитали папа с мамой, бабушки и дедушки. Мой отец, к сожалению, рано умер. Но за свою короткую жизнь он много сделал, чтобы продвинуть наш город, создать интеллектуальную элиту Одессы. Мама была учительницей музыки. Бабушка Елена Владимировна Поплавская преподавала в Грековке. Они с дедом Яковом Моисеевичем Мороховским были в числе основателей научной секции «Одессика» Дома ученых. Таковой была среда, в которой я рос. Мы жили бедно, в коммуналке, но у нас висели картины, стояло пианино, было много книг.

С возрастом пришло понимание, что меценатство, так присущее Одессе, практически

исчезло. Должен был кто-то продолжить. И мама создала благотворительный фонд милосердия памяти отца, этот фонд занимается больными детьми, оказывает помощь больницами. Когда в середине 90-х я начал зарабатывать, тоже стал помогать. Это вылилось в понимание роли культуры в развитии современного города. Я создал Интеллектуальный клуб «Эрудит» им. В.Я. Мороховского, теперь – Институт развития Одессы.

Безусловно, большую помощь оказывает банк, ведь у меня таких, как у банка, возможностей нет. Я рад, что мои близкие друзья: Егор Гребенников, Андрей Ставницер и другие, поддержали меня в деле меценатства и тоже двигают наш город вперед. И Музей современного искусства, и Шахматный клуб, и клуб «Что? Где? Когда?», и Всемирный клуб одесситов – хорошие примеры поддержки общественных организаций для города. Думаю, таким положительным примером будет Дом художников, который я хочу создать.

Каждый год появляются новые шахматисты, музыканты, художники.

Сегодня в Одессе прекрасные фестивали музыки. Теперь Одесса получила отличный скрипичный конкурс под руководством Андрея Мурзы и Алексея Семененко, и мы с радостью стали его генеральным спонсором. Это большое событие для города.

Но чтобы город стал современным культурным и туристическим центром, нужна поддержка всего бизнеса, предпринимателей. Это путь спасения нашего города. Одна из трагедий, которая происходит в нашем городе, в том, что уходят знаковые люди.

Я имел честь хорошо знать Михаила Михайловича Жванецкого, не раз слушал, как он читает свои произведения, и на сцене, и у него дома. Считаю, что это колоссальная потеря для Одессы и, к сожалению, не вижу сегодня, кто может его заменить. Я хорошо знал Бориса Литвака, Владимира Филипчука. На таких людях-гигантах Одесса всегда поднималась, выделялась. Если им не будет замены, не будет той Одессы, какую мы знаем и помним. Одесса всегда выгодно отличалась, не Мишкой-Япончиком, а Исааком Бабелем и Юрием Олешей, Валентином Катаевыми и Верой Инбер, Олегом Соколовым и Теофилом Фраерманом. А сегодня туристы, приезжающие в наш город на экскурсию, выбирают не литературную Одессу, а бандитскую Одессу.

– В июне у вас красивый юбилей – 50 лет. Не могу не спросить о ваших планах.

– В ближайших планах: проведение фестивалей, о которых я упомянул, открытие в Музее современного искусства выставки личной художественной коллекции, я всех на нее приглашаю. Это работа по созданию новой институции – Дома художников, развитие проекта – Институт развития Одессы. Конечно, моя основная задача – это развитие банка, корпорации. И самый мой главный план – это чтобы моя здорова моя семья: мама, теща и тесть, мои трое детей, моя жена, которая помогает мне во всех вопросах и, конечно, я сам.

А еще хочется, чтобы в Одессе снова стало больше улыбок. Чтобы наш город, который много потерял в последнее время и, к сожалению, очень мало нашел, стал лучше и краше.

Беседовала Наталья БРЖЕСТОВСКАЯ.

Продолжая смеяться, румын вскинул винтовку, дуло оказалось на уровне Зинкиного живота. В животе стало холодно и очень просторно...

Когда фашисты пришли на юг Украины, они передали союзникам-румынам большой кусок нашей земли вместе с Одессой. Те завели в городе оперетку.

«Да, это вам не немецкая оккупация», – говорили между собой обыватели.

Забирали евреев. «Пока – евреев», – комментировал одноногий сапожник дядя Сема, сидевший на низенькой скамеечке у флигеля.

Показывали кино: шли красивые немецкие фильмы из мирной жизни...

Заживо сожгли тысячи людей. Но это «аж где», на Люстдорфской дороге, «за партизан», – объяснял кому-то дядя Сема.

Открылись школы. Зинкина школа стала гимназией, мама отправила туда младшую дочку.

Зинкен – так иронично, на немецкий манер, звала ее старшая сестра (та в отместку была «Ларкен») – выдержала ровно один день. Забросила ранец под кровать и с вызовом сказала:

– Не пойду я туда больше! Там Закон Божий читают. Хотела я батюшке объяснить, что никакого бога нет...

– Не понял? – хмыкнула Ларкен.

– Куда, из класса выгнал! Темный какой-то...

Зинкен была пионерка и атеистка, как все из первого советского поколения. Где ж ей было знать, что ее отец, дед и прадед закончили в свое время семинарию?

Про гимназию дома больше не заговаривали, зато дали Зине два серьезных поручения: стирать на море белье и добывать в санатории соль. Мыло и соль были на вес золота.

Первое поручение Зинкен любила. Они собирали с соседской Шуркой таз рубашек, маек, платяев – один на двоих – и тащили в Отраду. Почти скатившись вниз по крутому склону (если что и вывалит в пыли – все равно ж стирать!), по белому сухому песку торопились к морю.

Море тихое-тихое, не штормит. Можно носиться друг за другом по берегу. Белье подождет!

Вволю набегавшись, под-

ружки вспоминали о нестиранном белье и, набрав красной жирной глины, от души мазали его и терли. Полоскание, отжимание, долгая дорога наверх, «раздел имущества» во дворе. Шурка ныряла в парадную, Зинкен, нагруженная тазом, сворачивала к флигелю.

Не то хождение за солью. Туда не побежишь вприпрыжку. Жорка принес весть, что в Лермонтовке есть соль. Целая гора у самого входа!

– Брешешь! – ахнули девчонки.

– Та шоб у меня батька с войны не вернулся! – вскинул руку в салюте Жорка (пионеры не «божатся»).

К 80-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ Ирина Крайнова

ЗА СОЛЬЮ

Вечером послали «разведку» к высокой ограде Лермонтовского санатория.

Соль была! Сверкала себристой горкой совсем рядом с оградой. Часовой с винтовкой вышагивал рядом.

«Манлихер! Честное пионерское, Манлихер!» – горячо зашептал Васька. Видя оружия мальчишки знали назубок.

Да, соль была. И все равно что не было. А жидкий суп на шпонке – кукурузе по-одесски – без соли совсем не лезет в рот. Эдкая горечь забила и лук, и шпонку. Потом долго у всех болели животы. У Зинки мама врач, она сказала, что соль прямо из моря нельзя, ее еще нужно хорошенько очистить и обеззаразить.

Решили идти к Лермонтовке всем двором. Всех сразу не убьет. Про винтовку мамам, понятное дело, не сказали.

Стайка ребятиншек приблизилась к калитке и несмело остановилась. Бойкий Васька и тот присмирел, выгалкивая вперед Зинку: «Иди, проси, у тебя вид жалостный». Зинкен была не возрасту мала, худа, только и былана лице, что огромные темные глаза. И – бесценный Зинкин дар: они моментально наполнились слезами.

Часовой настороженно обернулся.

– Дядичка, можно сольки взять, совсем чуточку? – зачастила Зинкен, молитвенно складывая ладоши. Глаза, конечно, на мокром месте.

– Сольки? – недоуменно повторил румын.

– Саре – соль по-вашему, – высунулся вперед умный Жорик, добавив для верности по-немецки. – Ну, цальтс...

– Юде? – ткнул часовой пальцем в темноглазую смуглую Зинку. Ее часто принимали за еврейку.

– Ни, рус! – диалог вел Жорик, все как языки проглотили.

– Гряка? – не поверил румын.

– Ну, пусть грека, – разрешил Жорка, тихонько подталкивая девочку в спину.

Румын милостиво разрешил Зинке набрать соли в маленький полотняный мешочек. И наставительно произнес, обращаясь ко всей ватаге:

– Давай порумб – саребери. Дети не знали, что то за «порумб». Расшифровал незнакомое слово дядя Сема, у него в Молдавии жила сестра:

– Та шпонки фашист захотел. Ну, вы даете – чумаки прямо! А шо, мой дед за солью в самый Крым ходил...

Зинкину соль честно поделили на всех – вышло по щепотке на брата. Взрослые собрали по чуланам осенние початки и снарядили ребят.

Кукурузы румын хотел много, соли давал мало – едва успели набрать. Кто прямо в карман ссыпал, кто в носовой платок.

Часовой был на месте и через несколько дней. Его словно забыли сменить. Ребята высыпали из мешка последние осенние початки. Румын поискал глазами и поманил Зинку. Та, обмирая, вышла вперед.

– Не порумб. Мамалига! Мамалига давай – саре бери.

А шпонку назад не отдал. Не солоно хлебавши поплелись новоявленные чумаки домой.

На другой день весь двор – у кого еще оставалась кукурузная мука – варили

мамалыгу. Горячее золотистое варево слили в один казанок. У тети Мани нашлась ложка постного масла – сбобрить кашу. Еще теплый казанок понесли в Лермонтовку. Румын как ждал их.

Тут же достал ложку. Ел, сопел, урча от удовольствия, ястребиным оком успевавшая следить, кто сколько соли насыпал. Ленивым криком отгонял тех, кто «перебрал».

– Во жрет румын, шоб он был здоров! – ворчали мальчишки и снова, отдуваясь, тащили в санаторий полный казанок.

Румын при виде их не двинулся с места:

– Не мамалига – плачинда давай! Плачинда, бринза давай – саребери.

Зинкен знала, что кукурузная мука у них последняя – мама высыпала всю до щепотки. Отдала муку и Васькина мать, потерявшая кормильца еще в июле, не лучше дела у других ребят. А плачинда (по-румынски плачинда) просит муки и масла, соли и сахара, яиц... А с брынзой – еще и творога, зелени. Забытые доверенные продукты... Тетя Инна пекла как-то плачинды давно... еще в прошлой жизни.

Зинка не заметила, как выступила вперед.

– Дядичка, нет у нас масла, яиц, брынзы... пожалуйста, возьмите нашу мамалыгу, вы ж любите!..

– Гряка, не мамалига*, плачинда давай!!

По всему, пора уходить. Васька бочком-бочком подвигался к казанку, пытаясь забрать его обратно. Румын,

ОДЕССКИЙ СЛОВАРИК

- **БРЫНЗА** – рассольный сыр
- **МАМАЛЫГА** – кукурузная каша, основная еда одесситов в годы войны
- **МАНЛИХЕР** – род винтовки на вооружении румынской армии в начале второй мировой войны
- **ПЛАЧИНДА** – молдавский пирог с начинкой
- **ПОРУМБ** – кукуруза по-румынски
- **СИГУРАНЦА** – тайная румынская полиция в годы второй мировой войны
- **ЧУМАКИ** – украинские казаки, которые ходили за солью
- **ЮДЕ** – так немцы называли евреев

ОДЕССКИЕ НОВОСТИ

Олег Иосифович Губарь успел сделать много. Последние семь лет его жизни чередовались: дом-больница-капельница-дом. И он торопился, много работал.

К 40 дням ухода из жизни писателя в большом читальном зале Национальной научной библиотеки состоялась презентация иллюстрированного альбома «История и легенды одесского Пассажа», пятого в серии «Старая Одесса в фотографиях». Издание готовили Олег Губарь и Евгений Волокин. В нем рассказывается о том, что происходило с одним из самых известных зданий Одессы с момента постройки и до наших дней. В альбоме собраны уникальные документы и 282 фотографии, большинство из которых публикуются впервые.

Евгений Волокин:

– *Работа над альбомом, мы так распределили работу. Олег Губарь взял на себя историю дома Крамарева, стоявшего ранее на этом месте, и историю быта «Пассажа» до революции. Я занимался сбором послереволюционных материалов. Все это вместе дает картину, как менялся город, а с ним и «Пассаж».*

Сотрудники отдела одессики ОННБ к этому

событию подготовили выставку творческого наследия Олега Губаря «Влюбленный в Одессу». Здесь собраны книги, альбомы, журнальные публикации Олега Иосифовича, начиная с первых его произведений, изданных в начале 90-х: «Пушкин, театр, Одесса», «Воронцов и Воронцова», «История азартных игр в Одессе».

«Человек с улицы Тираспольской», иллюстрированный альбом «Одесса, Пале-Рояль», «Старые дома», «Автографы Одессы», «Весы и меры старой Одессы», «101 вопрос об Одессе», «Очерки ранней истории евреев Одессы», «Первые кладбища старой Одессы», «Невинные прогулки», «Second hand» и «Second foot», «Энциклопедия друзей», «Мое собачье дело», публикации практически во всех журнальных и газетных изданиях.

Заведующая отделом искусств библиотеки Татьяна Щурова рассказала историю знакомства с писателем:

– *В 70-е годы очень активно работала научная секция книги при Доме ученых. Это был еще один университет. В секцию входили: А.Ю.Розенбойм, И.Чопп, М.Р.Бельский, Лушчик, Е.Голубовский, О.Губарь. Эти люди знали и*

любили книгу и учили этому других. В те же годы Олег уже регулярно посещал «Горьковку». Мы с ним оказались фанатами книги, исследовательской работы, людьми «одной группы крови», это нас сдружило на долгие годы. К Олегу можно было в любое время обратиться за консультацией. Он никогда не щадил себя, не считался со временем. Его сотрудничество с библиотекой было взаимообогащающим. Он мог работать с утра и до позднего вечера. В планах библиотеки – издать библиографический справочник и сборник воспоминаний друзей и коллег Олега Губаря.

Такие книги мы издали о Сергее Лушнике, об Александре Розенбойме. И сам бог велел подготовить и выпустить книги об Олеге Губаре.

Успел завершить Олег Иосифович и, пожалуй, главный труд жизни – «Пушкинский путешественник». Близкий друг О.И.Губаря, почетный гражданин Одессы Михаил Пойзнер собирает средства на издание последнего литературного исследования ушедшего из жизни О.И. Губаря. А городские власти приняли решение назвать именем писателя и краеведа улицу Одессы.

ТВОРЧЕСКИЕ СЕМЬИ ОДЕССЫ

Май месяц в Одесском академическом театре музыкальной комедии им. М.Водяного выдался ярким и запоминающимся. Отмена жесткого карантина позволила осуществить самую долгожданную премьеру театрального сезона. Зрители, наконец-то, смогли побывать на мюзикле «По Дерибасовской», поставленном по размышлениям Михаила Жванецкого. А 30 мая профессиональное театральное сообщество Одессы чествовало юбиляра. Многочисленные поздравления принимал главный художник театра – художник-постановщик нового спектакля и множества других театральных работ Станислав Зайцев.

Волшебники Страны грез

Одесса дала миру не только выдающихся писателей, поэтов и музыкантов, но и видных театральных художников: Давида Боровского. Олега Шейнциса, Михаила Ивницкого. Достойным продолжателем и их преемником является заслуженный художник Украины Станислав Зайцев, встретивший в творческом цехе свое 75-летие. Юбилеев, собственно, не один, а сразу два. Уже полвека Станислав Николаевич оформляет спектакли, фантазирует и «одевает» сцену, лепит и конструирует сценическое пространство. Его имя в театральной среде не нуждается в представлении. В послужном списке известного сценографа – более 300 спектаклей, поставленных в разных городах Украины и необъятной в прошлом страны на одной шестой части суши.

Выбор профессии для него был обусловлен и предопределен. Мама – актриса, служила в Русском драматическом театре. Отец Николай Васильевич Зайцев – известный театральный режиссер. Ученик школы-студии при Ленинградском театре юного зрителя, в котором ныне – Петербургская театральная академия, он стоял у истоков зарождения Одесского ТЮЗа и долгие

годы, начиная с 30-х годов прошлого века, являлся главным режиссером Одесского детского театра. Так будущий сценограф рос меж двух театров, вдыхая с детства запах кулис. Его друзьями были монтировщики и декораторы, смастерившие для мальчика любимую игрушку – макет сцены. В пять лет Слава уже строил декорации из деревянных брусочков, заселял «актерами», которыми служили катушки с нитками. И не знал, что впереди его ждут настоящие театры – кукольный, драматический, музыкальный. Что сцена станет его жизнью. Что эта сцена будет не только театральная, но эстрадная и даже цирковая, а в его оформлении таланте будут нуждаться музеи...

Не знал, что его музой, женой и единомышленницей, главным человеком в его жизни станет тоже художница, бесконечно, как и он, преданная творчеству, – известная керамистка Нина Федорова.

Два талантливых мастера создали крепкий семейный и творческий союз. Их история жизни – это череда неслучайных случайностей и совпадений. Их дороги все время пересекались, пока, наконец, не сошлись в одну. Коренные одесситы, они жили рядом, учились бок о бок. Станислав родился в доме Фальц-Фейна на Гоголя, Нина – в переулке Чайковского, но на Гоголя жила ее бабушка, там родился ее отец. Обе их мамы с польскими корнями: у Нины – Бронислава Романская, а у Славы – Антонина Пенчковская.

И Нина, и Слава ходили на занятия в Дом ученых, посещали одни театральные спектакли. Но Нина – чаще в Театр оперы и балета, там работала костюмером бабушка. Да и отец Нины в ранней юности увлекался театром, посещал балетный класс и порой в ан-

тракте прямо в гриме в переулке Чайковского бежал из театра на свидание к будущей жене. Нина тоже росла за кулисами, мечтала о балете. Но строгие преподаватели были неумолимы: не ее призвание. И тогда девочка, с самого детства любившая рисовать, решила, что будет художницей. Папа привел ее в школу при Художественном училище, к педагогу по фамилии... Зайцев.

А родители Славы Зайцева прочли мальчику музыкальную карьеру. Но тот, окончив первую музыкальную школу и получив свидетельство, принес его родителям и больше никогда не сел за инструмент, твердо решив стать художником.

Так, в один год Нина и Слава поступили в Художественное училище: Слава – на живописный факультет, Нина – на факультет керамики. Им повезло с учителями, к которым они на всю жизнь сохранили любовь и уважение. Слава мастерству учился у Дины Михайловны Фруминой, Нина – у Людмилы Ивановны Фурдыгайло. 60-е годы были временем расцвета Художественного училища. Студенты проводили целыми днями в учебных классах, художественных мастерских, в прекрасной библиотеке (где она теперь?...). Может, потому для выпускников одесского училища в то время легко открывались двери ведущих вузов страны. С отличием окончив училище, Слава без труда поступил в Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии (ЛГИТМиК), на отделение сценографии. Нина тоже отправилась в Северную Пальмиру, выбрав Высшее художественно-промышленное училище им.Мухиной. В тот год в Мухинку поступали 16 одесситов. Настоящий десант одесского землячества!

Слава и Нина окунулись в учебу, в богатую культурную жизнь Питера. И хотя их вузы находились почти рядом, – они практически не пересекались. Встретились только накануне отъезда Нины в Одессу по окончании учебы. Судьба буквально столкнула их друг с другом. Слава еще несколько лет жил и работал в Ленинграде. Но это было уже неважно. Их орбиты медленно и неуклонно сближались.

Получив блестящее образование, имея широкие перспективы для карьеры, Станислав Зайцев и Нина Федорова остались верны Одессе и служат ей и сегодня. Поженились они, преодолев все формальности и препятствия, в 1977 году. Нина вела оседлую жизнь, Слава – кочевую: театральные постановки сценографа Станислава Зайцева по всей стране требовали частых выездов.

Нина Владимировна открыла в себе оформительский талант. Ей было по душе создавать и преобразовывать пространства, наполняя их цветом, светом, красотой. Оформление кафе «Одесса» в центре Киева заставило громко заговорить о ее творческом даровании. Проявила она себя и как искусный мастер коллажа. По эскизам выпускницы Мухинки Нины Федоровой делались уникальные изделия на Одесском ювелирном заводе. Потом был Художественный фонд, преподавательская деятельность в Художественном училище, Международном гуманитарном университете, Школе детского творчества, где она воспитала целую плеяду учеников. Госзаказы для талантливой керамистки были тяжким бременем, вынужденным ремесленничеством. Наступать на горло собственной песне ради заработка было выше ее сил. И, чтобы не потерять талант, Нина Владимировна ушла «на вольные хлеба». Потекли дни, наполненные творчеством для души, оттачивание мастерства. Керамика Нины Федоровой ныне украшает Московский музей музыкальной культуры им. М.Глинки, Одесский театр юного зрителя им.Ю.Олеши, множество частных коллекций...

ТВОРЧЕСКИЕ СЕМЬИ ОДЕССЫ

Станислав Николаевич прошел долгий творческий путь, являлся главным художником Одесского ТЮЗа, Украинского музыкально-драматического театра им. В.Василько. И, наконец, возглавил художественную часть Одесской музкомедии. В его творческом багаже – сотни оформленных спектаклей в городах Украины, России, в Канаде. Он – мастер музейной экспозиции, оформлявший Историко-краеведческий и Литературный музеи, Греческий фонд культуры, музей Христо Ботева и Одесской оперы. О его творческой работоспособности говорит такой факт. Однажды для Фестиваля молодой драматургии художник одновременно работал сразу над пятью постановками. Да и в период карантина художник работает «на удаленке», интернет нам в помощь, выполняя эскизы будущих спектаклей.

Сегодня Станислав Зайцев и Нина Федорова – признанные мастера своего дела, лауреаты и дипломанты многих выставок и фестивалей различного статуса, от городских до международных. Они творят вместе и порознь. Станислав Николаевич в тиши своей студии в театре лепит и конструирует «одежду» для спектакля. На полках мастерской – десятки макетов сценического убранства в миниатюре, крошечный мир театральных подмостков.

У Нины Владимировна – своя творческая «молельня». Керамика – не только любимый творческий, но и технологический процесс, достаточно длительный и трудоемкий. Но в нем – целительная сила искусства, своего рода психотерапия. Здесь все стены увешаны ее уникальными авторскими работами – мир масок – баут, персонажей венецианского карнавала, паяцев и ...парящих ангелов. Но есть там и кабинет мужа. Когда закончена очередная работа в театре, Станислав Николаевич переключается на графику, рисунок. Если сценография – главное дело жизни Зайцева, то графика

– его страстное увлечение, которой он посвящает все свободное время.

Оставляя керамику, Н.Федорова берется за коллажи, акварель.

Работа для них – органическая потребность. Отдых? Что это? Для Зайцева и Федоровой – это смена творческой жизни.

Кстати, об ангелах. Пришло время собирать камни, время сохранять преемственность, традиции. Карантинное время не располагало к проведению выставок. Но Станислав Зайцев и Нина Федорова организовали осенью прошлого года онлайн-вернисаж «Ангелы памяти», посвятив его своим родителям. По итогам выставки сейчас готовится буклет.

Вот такой дуэт двух творческих людей – и никакой состязательности.

Н.В.Федорова: – *Слава* – врожденный интеллигент, совсем не амбициозен и бесконфликтен, что в театральной среде особенно ценится. У нас с ним полное совпадение вкусов. Нас, приверженцев классического искусства, привлекает эпоха Возрождения.

В преддверии юбилея в адрес Станислава Зайцева отовсюду летели телеграммы и поздравления.

Н.В.Федорова: – Память избирательна. Почему-то на сайте одесского ТЮЗа нет информации ни о Николае Зайцеве, который 30 лет был его главным режиссером, ни о Станиславе Зайцеве, бывшем главным художнике ТЮЗа. И на юбилей ТЮЗа Станислава Николаевича, чей спектакль шел там 30 (!) лет, «забыли» пригласить. Зато в Алтайском театре, где Станислав Николаевич проработал три года, в преддверии предстоящего юбилея заслуженного художника Украины ему посвятили большую статью в недавно вышедшей в свет Энциклопедии, посвященной культуре края.

Сегодня Станислав Зайцев – активный пользователь соцсетей, где представляет свои графические работы, проверяет таким образом реакцию зрителей. Кроме «Ангелов», Станислав Николаевич реализует на просторах

Интернета художественный проект «Путешествие Кота». Кот Зайцева перемещается не только в пространстве, но и во времени, вписываясь в картины известных мастеров кисти разных эпох: Миро, Пикассо, Климт, Генералич, Пирсони, Леже, Магритт, Боверо...

Фантастическое путешествие в искусство Кота Станислава Зайцева так полюбилось итальянским поклонникам изобразительного искусства, что на Апеннинском полуострове издали Календарь на 2021 год с его иллюстрациями. В Генуе у одесских мастеров много друзей, отдающих должное их таланту. Многие из полотен – шедевры XX века, которые неожиданно приобрели новую жизнь. По мнению итальянских ценителей искусства, «эта творческая и утонченная игра пронизана изяществом, иронией, уважением к великим мастерам и симпатией к загадочным представителям кошачьих, которые вдохновили так много художников и писателей».

Главный художник Одесского академического театра музыкальной комедии, заслуженный художник Украины С.Н. Зайцев:

– Радует, что дочь Наташа – тоже «насквозь» театральный человек, работает помощником режиссера в Театре Льва Додина. Подрастают двое внуков – Макар и Егор, им уже по 17. Оба определились с будущими профессиями: один хочет продолжить семейные традиции и стать графиком, дизайнером, другой выбрал кулинарное дело. Планы? Про планы мы научились говорить вполголоса. Локдауны ломают все планы, тем более, когда речь идет о таком живом организме, как театр. Дважды откладывался спектакль «По Дерibasовской». Теперь с трепетом театр приступает к постановке «12 стульев», запланированной на осень. А дальше, дальше... подождем.

Наталья БРЖЕСТОВСКАЯ.

Maggio

L	M	M	G	V	S	D
					1	2
3	4	5	6	7	8	9
10	11	12	13	14	15	16
17	18	19	20	21	22	23
24	25	26	27	28	29	30
31						

Михаил ВЕКСЛЕР

Что, скажите, такое
На дворе за столетье –
Не одно, так другое,
Не другое, так третье.

Среди житейской кутерьмы
Я повседневно чувствую –
На свете нет такого «мы»,
В котором я присутствую.

СВЕТИЛО
В Одессе, в Киевском районе,
Живет один языковед.
Таких, как он, на Украине
И в Украине больше нет.

На что, бодибилдер, потратил
Ты целое множество дней?
Подумай об этом, приятель,
Двуглавою мышцей своей.

Живёт
Человек, поживает,
Но время его
Поджимает.

Хотя весенние созвездия
Сулят хорошие известия,
Мне синих глаз твоих согласие
Сулит отказ, а не согласие.

По словам одного
Дебила,
Моя тупость его
Добыла.

К врагам
Великодушен,
Я сам
Съедаю ужин.

Народ я не пойму:
Чего ему так грустно,
Как будто не ему
Принадлежит искусство?

А. Пушкин – наше всё.
В. Ленин всех живее.
К тому не зарастёт,
За тем не заржавеет.

Итак, я жил тогда в Одессе –
«Массандра», девушки, Бон Джо-
ви...
Ещё не спето столько песен,
Ещё не поздно пить боржоми.

Выпил чай, задернул штору –
И такая тишь да гладь...
Не ходите, дети, в школу,
Замуж,
В Африку гулять.

ПАНДЕМИЯ
Встал сегодня утром – ни симпто-
ма...
Выйду за симптомами из дома.

Тиха украинская ночь,
А украинская – не оч.

Есть в осени первоначальной
Ответ на вечное «как быть» -
Сесть у окна в советской чайной,
Пельмени есть и водку пить.

Пред лицом неминуемой гибели
Мы купили, открыли и выпили.
А пока я ходил за второй,
Астероид прошел стороной.

Нынче праздник цветов И
у нас, и в глубинке.
У нарядных ментов
Надувные дубинки.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ
Мне скоро двадцать,
Как за тридцать –
Мне сорок девять. И сейчас
Пора признаться
И жениться -
В любви, Тамара, и на вас.

ЛЕТНЕЕ КАФЕ
Я со стула
Поднялась
После двух мороженных,
Отряхнула
Двадцать глаз,
На меня положенных.

Все возрасты покорны
суициду,
Но я себя себе не дам в
обиду.

Живу я бедно,
Но ежедневно.

Переставь две спички
так,
Чтобы было снова
Лето... эдак... скажем,
так...

Шестьдесят восьмого.

В своих стихах, а также в
прозе

ДУЭТ
1-й голос: Всюю жизнь
привольно и широко...
2-й голос: Все пройдет,
как с белых яблонь дым.

1-й голос: Молодым везде у нас
дорога...

2-й голос: Я не буду больше моло-
дым.

Ненавижу смолоду
Это чувство голоду.
Мне милей страдания
От переедания.

ПОЛИГЛОТ
Я владею пятью языками,
Но держу языки за зубами.

Я себя не считаю
Поэтом, поэтому
Я себя не читаю
И другим не советую.

ТИШИНА
Как будто кто-то в ватный
Бьет колокол набатный.

О ГРЕХАХ
Их было у меня немало,
А все равно доставало.

НА СМЕРТЬ СЕМЁНА
Семен был честным, прямым и
смелым.

Двустия

О, как мы друг другу верны,
Пока мы друг другу видны.

Не поминайте
справедливость всею,
А то она придёт,
восторжествует.

Ой, чому мої надії
Не впливають на події?!

Я уважением к врагу
Проникся в дружеском кругу.

Когда я был невеждой,
Смотрел на мир с надеждой.

Пока для чести сердце живо,
Оно уму непостижимо.

И зачем я тратил годы
На карманные расходы?!

Не люблю говорить о материи –
На материи пыль да бактерии.

А за окном то дождь, то снег
Идут, переходя на бег.

Хорошо зимой на пляже:
Где захочешь, там и ляжешь.

И о спасении души:
А времени не так уж и...

НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

В День святой
Эммануэли
Я шестой
В её постели.

Чем дольше
Человек живёт,
Тем больше
Он уже не тот.

ВЕЧЕР
Сонная немножко
Вертится земля,
Вон горит окошко,
За которым я.

Да, были люди в наше время,
Пеле, Гагарин, Чингачгук...
Не то, что нынешнее племя...
Фейсбук.

О ДРУГОМ
В лужах солнце плавает,
Расцвело алоэ.
Но не это главное,
Главное – другое.

Основатель газеты **Евгений ГОЛУБОВСКИЙ**

Редактор
Наталья БРЖЕСТОВСКАЯ
Верстка
Полина КУЧИЕРСКАЯ

Веб-дизайн
Олег ТКАЧЕНКО
Фото **А. Синельникова и Б. Бухмана**

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.
Ответственность за точность
сообщаемых фактов несут
авторы.
Взгляды редакции не всегда
совпадают с точкой зрения
авторов.

Регистрационное
свидетельство № 508.
Тираж 500 экз.
Заказ №.
Газета отпечатана
в типографии «Черноморье».

Адрес редакции:
65014, Одесса,
ул. Маразлиевская, 7.
Тел.: (048) 725-45-67,
www.odessitclub.org